

W 303/27
Карамзин
в истории
русск. литер. яз.

КАРАМЗИНЪ

ВЪ ИСТОРІИ

РУССКАГО ЛИТЕРАТУРНАГО ЯЗЫКА.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Въ печатнѣ В. Головина, у Владимірской, домъ № 15.

1867.

КАРАМЗИНЪ

ВЪ ИСТОРІИ

РУССКАГО ЛИТЕРАТУРНАГО ЯЗЫКА.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Въ печатнѣ В. Головина, у Владимірской, домъ № 15.

1867.

Извлечено изъ Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія.

КАРАМЗИНЪ ВЪ ИСТОРІИ РУССКАГО ЛИТЕРАТУРНАГО ЯЗЫКА.

Современники Карамзина признали его преобразователемъ литературнаго языка. Въ разборѣ *Разсужденія* Шишкова *о старомъ и новомъ слогѣ* Макаровъ въ 1803 году сказалъ: „Г. Карамзинъ сдѣлалъ эпоху въ Исторіи Русскаго языка. Такъ мы думаемъ, и, сколько намъ извѣстно, такъ думаетъ Публика“ [1]). Самъ Шишковъ не отвергалъ этого безусловно, и возражая Макарову, замѣтилъ: „Я не знаю сдѣлалъ ли г. Карамзинъ эпоху въ исторіи рускаго языка, но ежели сдѣлалъ, такъ ето очень худо; ибо естьли *сдѣлать эпоху* значитъ *произвесть нѣкоторую перемѣну въ слогѣ,* то въ книгѣ моей пространно и ясно показано, какая перемѣна воспослѣдовала съ языкомъ нашимъ“ [2]).

Позднѣе (1823) А. Бестужевъ (Марлинскій) такъ отозвался о Карамзинѣ: „Онъ преобразовалъ книжный языкъ Русскій, звучный, богатый, сильный въ сущности, но уже отягчалый въ рукахъ безталантныхъ Писателей и невѣждъ-переводчиковъ. Онъ двинулъ счастливою новизною ржавыя колеса его механизма, отбросилъ чуждую пестроту въ словахъ, въ словосочиненіи, и далъ ему народное лице“ [3]). Этотъ взглядъ до сихъ поръ никѣмъ не былъ оспариваемъ, и еще недавно его снова высказали многіе при праздновании юбилея Карамзина. „Поколѣнія младшія“, говоритъ, напримѣръ, Ѳ. И. Буслаевъ [4]), „учились и теперь еще учатся мыслить и выражать свои мысли по его сочиненіямъ, на которыхъ и доселѣ основываются и русскій синтаксисъ, и русская

[1]) *Москов. Меркурій,* дек. 1803, стр. 190. Такъ какъ въ настоящей статьѣ дѣло идетъ о языкѣ, то приводимыя въ ней мѣста изъ прежнихъ писателей сообщаются съ соблюденіемъ ихъ первоначальной орѳографіи и пунктуаціи.

[2]) *Прибавленіе къ Разсужд. о стар. и нов. слогѣ.* 1804, стр. 147.

[3]) *Полярная Звѣзда* 1823 г. — «Взглядъ на старую и новую словесность въ Россіи», стр. 15.

[4]) *Рѣчь о Письмахъ Русскаго Путешественника* въ *Москов. Университ. Извѣстіяхъ* 1866, № 3, стр. 185.

стилистика". Но въ то же время явился другой взглядъ, сильно ограничивающій значеніе Карамзина въ исторіи литературнаго языка. „Если посмотрѣть", сказалъ въ Харьковѣ г. профессоръ Н. А. Лавровскій [1]), „на языкъ Карамзина съ внѣшней стороны, то-есть, на исключеніе изъ него церковно-славянской примѣси, на краткость и отрывочность предложеній, вообще на то сближеніе его съ языкомъ образованнаго общества, которое прежде всего ставятъ ему въ заслугу; то нельзя не замѣтить, что все это сдѣлано еще задолго до него... Если посмотрѣть на языкъ лучшихъ статей нашихъ сатирическихъ журналовъ 70 и 80-хъ годовъ, на языкъ Фонъ-Визина, или хоть на языкъ „Вступленія къ Почтѣ духовъ" Крылова, писаннаго въ 1789 году, то едва-ли въ этомъ отношеніи можно замѣтить большое различіе сравнительно съ языкомъ „Писемъ русскаго путешественника"; въ этомъ смыслѣ едва-ли будетъ справедливо повторять старую фразу о преобразованіи Карамзинымъ литературнаго языка... Языкъ Карамзина, вовсе не новый по внѣшнему построенію фразы, былъ дѣйствительно новымъ по мыслямъ, чувствованіямъ и образамъ, выраженіемъ которыхъ онъ явился и которые были плодомъ всего новаго образовательнаго содержанія, усвоеннаго имъ; онъ былъ дѣйствительно новымъ по симпатичности, нѣжности, сердечности, исходившимъ изъ природы Карамзина. Въ этомъ смыслѣ, если хотите, онъ былъ преобразователемъ литературнаго языка, но преобразователемъ безъ собственнаго вѣдома".

Такимъ образомъ авторъ этихъ строкъ находитъ, что Карамзинъ, несмотря на новость содержанія своихъ сочиненій, на новость пущенныхъ имъ въ ходъ идей, чувствованій и образовъ, обошелся безъ новыхъ способовъ выраженія, безъ сообщенія словамъ болѣе опредѣленнаго или разнообразнаго смысла, безъ новаго строя рѣчи. Но выражать по старому новыя мысли не значитъ преобразовывать языкъ, и признавъ въ сочиненіяхъ Карамзина только внутреннюю сторону новою, слѣдовало бы выразиться рѣшительнѣе и уже вовсе не оставлять за нимъ права на названіе преобразователя языка. Допустивъ, что Карамзинъ, въ нѣкоторомъ смыслѣ, все таки заслужилъ это названіе, хотя и безъ собственнаго вѣдома, г. Лавровскій говоритъ однакоже: „Карамзинъ, воспитанный на произведеніяхъ первоклассныхъ писателей, произведенія которыхъ выражаютъ мысли, чувствованія и образы фантазіи со всею непосредственностію языка, не могъ допустить

---

[1]) *Карамзинъ и его литературная дѣятельность*, стр. 40.

и въ своемъ языкѣ ни малѣйшей искусственности, стремился къ той же непосредственности выраженія, работалъ долго надъ собою, устраняя всѣ препятствія, затрудняющія эту непосредственность выраженія, всякую фальшь, затемняющую его искренность". Но развѣ такой трудъ, такая упорная борьба мысли съ словомъ въ языкѣ, еще не установившемся, можетъ успѣшно совершиться безъ замѣтной и притомъ сознательной обработки самаго языка?

Чтобы рѣшить во всей подробности вопросъ о значеніи Карамзина въ этомъ отношеніи, намъ недостаетъ еще обширныхъ приготовительныхъ работъ по исторіи языка вообще, недостаетъ, между прочимъ, словарей отдѣльныхъ писателей, хотя бы одного ломоносовскаго періода. Тѣмъ не менѣе мы и теперь уже можемъ достигнуть довольно положительныхъ выводовъ, если сравнимъ съ разныхъ сторонъ языкъ Карамзина съ языкомъ ближайшихъ его предшественниковъ, современниковъ и писавшихъ непосредственно за нимъ, если рядомъ съ первымъ его журналомъ поставимъ другія періодическія изданія за то же время, если далѣе внимательно разсмотримъ обвиненія противниковъ и возраженія приверженцевъ его. Это и должно составить главный предметъ настоящей статьи.

Никакое развитіе не происходитъ внезапно, безъ послѣдовательной работы; въ исторіи, какъ и въ природѣ, скачковъ не бываетъ. Тѣ улучшенія въ русской письменной рѣчи, на которыя указываетъ г. Лавровскій какъ на явленія, совершившіяся еще до Карамзина, дѣйствительно *начались* прежде него; но достигли ли они уже тогда достаточнаго развитія, были ли они кѣмъ-нибудь приведены въ общее сознаніе и даже сознавались ли они самими писателями, у которыхъ встрѣчаются? Не Карамзинъ ли придалъ имъ полноту и опредѣленность? Не онъ ли болѣе всѣхъ содѣйствовалъ къ ихъ распространенію и торжеству въ литературѣ? Несомнѣнно, что потребность всякихъ улучшеній прежде всего, хотя еще и смутно, ощущается въ массѣ общества; новыя идеи зараждаются у многихъ вдругъ, носятся въ воздухѣ; но онѣ до тѣхъ поръ не осуществляются вполнѣ, не входятъ окончательно въ жизнь, пока человѣкъ, сильнѣе другихъ ими проникнутый, не выяснитъ ихъ и не пуститъ съ особенной энергіей въ оборотъ. Бываютъ передовые люди во всѣхъ отрасляхъ умственной дѣятельности: они бываютъ и въ развитіи не установившагося еще литературнаго языка. Они-то становятся надолго образцами, увлекаютъ другихъ за собою. Употребленіе письменной рѣчи подчинено особымъ законамъ, которыхъ сознаніе вырабатывается постепенно. До ея установленія, или вѣрнѣе,

до возведенія ея на извѣстную степень опредѣленности, происходила у насъ борьба между ею и языкомъ народнымъ. Долго господствовалъ особый книжный языкъ, который только мало по малу уступалъ вліянію народнаго, и примиреніе между ними совершилось не прежде, какъ когда примѣръ тому увидѣли въ произведеніяхъ замѣчательнаго таланта. Правда, къ такому примиренію стремилась уже и прежде нѣкоторая часть писателей; но оно въ первый разъ было достигнуто однимъ, который и привелъ это явленіе въ сознаніе общества: въ трудахъ Карамзина совершилось рѣшительное вступленіе языка въ новый періодъ его литературнаго развитія. Въ чемъ же именно состояла заслуга Карамзина въ этомъ отношеніи?

Уже Ломоносовымъ собственно русскому, народному языку была отведена въ литературѣ нѣкоторая область: ее составлялъ такъ-называемый низкій или простой слогъ, назначенный въ удѣлъ пѣснямъ, эпиграммамъ, комедіямъ, дружескимъ письмамъ и „описаніямъ обыкновенныхъ дѣлъ“ [1]). Изъ этихъ-то тѣсныхъ границъ должны были постепенно идти завоеванія народной рѣчи въ литературѣ. Естественно было, что тѣ писатели, которые предпочтительно разрабатывали одинъ изъ названныхъ видовъ сочиненій, находились относительно языка въ выгоднѣйшемъ положеніи, нежели другіе. Сюда принадлежали издатели сатирическихъ журналовъ, въ томъ числѣ и Крыловъ; въ такомъ же положеніи былъ Фонъ-Визинъ, какъ комикъ и авторъ писемъ. Въ исчисленныхъ видахъ сочиненій мы дѣйствительно замѣчаемъ послѣ Ломоносова, какъ уже и подъ собственнымъ его перомъ, успѣшное употребленіе просторѣчія. Но тутъ насъ поражаютъ два явленія: вопервыхъ, невыдержанность этого языка и часто возвращающаяся примѣсь книжныхъ церковно-славянскихъ словъ, особливо частицъ, и вовторыхъ, чуждый синтаксическій складъ, который беретъ верхъ всякій разъ, какъ только авторъ выйдетъ изъ тѣсной рамки чисто-повѣствовательной обиходной рѣчи.

Въ сатирическихъ журналахъ 1770-хъ и 80-хъ годовъ очень гладкія фразы смѣняются нерѣдко такими, которыя страдаютъ дикостью формъ и оборотовъ. Такъ, напримѣръ, въ *Живописцѣ* Новикова мы читаемъ: „Желалъ бы я чтобъ Россія, любезное мое отечество, меньше имѣло нужды въ типографическихъ товарахъ, выписываемыхъ по милости иностранцевъ!“ Но тотчасъ за этою безукоризненною фразой слѣдуетъ такая: „Естьли какое находитъ она препятство къ тому, чтобъ

---

[1]) Ломоносовъ — *О пользѣ книгъ церковныхъ*.

нарещися ей за превосходныя свои совершенства несравненною подъ солнцемъ страною, то другаго нѣтъ, какъ сей токмо недостатокъ" [1]). Не значитъ ли это, что тогда писали по большей части безсознательно, то лучше, то хуже? Подобную неровность и смѣсь выраженій, даже въ сатирическихъ и шуточныхъ статьяхъ, представляетъ еще и *Собесѣдникъ Любителей Россійскаго Слова* (1783—1784), хотя онъ начался только за 8 лѣтъ до *Московскаго Журнала*.

Въ сатирическихъ письмахъ *Почты Духовъ* (1789) языкъ Крылова замѣчательно простъ, и если не смотрѣть на грамматику и орѳографію, въ которыхъ небрежность доведена тутъ до послѣдней крайности, то можно даже сказать, что онъ отличается чистотой; но отдавъ въ этомъ полную справедливость Крылову, мы вмѣстѣ съ его біографомъ прибавимъ: „Въ его стихотвореніяхъ, относящихся къ этому періоду жизни его, вы чувствуете, какъ рабски подчиняется онъ ѳбразцамъ, заимствуя изъ нихъ выраженія, изысканность украшеній, обороты и неестественный тонъ" [2]). Мало того, и въ прозаическихъ статьяхъ смѣшаннаго содержанія Крыловъ выражается совсѣмъ не такъ, какъ въ сатирическихъ. Въ разборѣ комедіи Клушина *Смѣхъ и горе*, писанномъ уже въ 1793 году, онъ, напримѣръ, говоритъ: „Самая развяска не иное что есть, какъ свободная и хорошая игра авторскаго воображенія она прекрасна, естьли смотрѣть и судить ее одное; но излишна, естьли взять ее въ связь поэмы. Никогда хитрость достигнуть къ цѣли, не должна быть труднѣе препятствъ къ тому противу положенныхъ. А еще болѣе никогда не должно употреблять тамъ большой хитрости, гдѣ нѣтъ большихъ препятствъ, которые бы ее оправдывали!" [3]). Любопытно, что въ поэтическомъ языкѣ Крыловъ

---

[1]) *Живописецъ*, изд. VII, стр. 83.

[2]) Плетневъ — «Полное собр. соч. И. Крылова», Спб. 1847, т. I, стр. XXIII.

[3]) *С.-Петербургскій Меркурій*, ч. I, стр. 121. Здѣсь выписано это мѣсто во всей точности, съ удержаніемъ всѣхъ особенностей подлиннаго текста. Замѣтимъ кстати, что въ Юнгмейстеровомъ изданіи Крылова не только исправлены грамматическіе промахи, но и языкъ подновленъ, такъ что желающій читать Крылова съ цѣлью изученія его долженъ обратиться къ первоначальнымъ изданіямъ его журналовъ. Такъ и въ приведенныхъ мною строкахъ сдѣлано въ названномъ изданіи нѣсколько измѣненій: вмѣсто *не иное что есть* напечатано: *есть не что иное*, вмѣсто *одное* — *одну*, вмѣсто *противу положенныхъ* — *противоположныхъ* (Полн. собр. соч. Крылова, ч. I, стр. 332). Въ другихъ статьяхъ есть еще гораздо значительнѣйшія поправки; мѣстами передѣланы цѣлыя фразы. Напримѣръ, въ *Похвальной рѣчи Ермалафиду*, вмѣсто: *едва минуло отъ роду пятнадцать лѣтъ нашему герою, какъ отданъ онъ*, напечатано: «герой нашъ лѣтъ

никогда не могъ вполнѣ освободиться отъ нѣкоторой шероховатости выраженія, и до конца не усвоилъ себѣ легкости и гладкости, выработанныхъ писателями Карамзинскаго періода.

Въ письмахъ и комедіяхъ Фонъ-Визина языкъ, вообще говоря, также простъ и чистъ; но какъ скоро авторъ *Недоросля* обращается къ предметамъ болѣе важнымъ, выходящимъ изъ предѣловъ вседневнаго быта, рѣчь его начинаетъ то пестрѣться славянизмами, то отзываться латино-нѣмецкимъ словосочиненіемъ. Такъ, Стародумъ въ одномъ изъ писемъ своихъ говоритъ: „Мы не имѣемъ тѣхъ народныхъ собраній, кои витіи большую дверь въ славѣ отворяютъ, и гдѣ побѣда краснорѣчія не пустою хвалою, но Претурою, Архонціями и Консульствами вознаграждается. Демосѳенъ и Цицеронъ въ той землѣ, гдѣ даръ краснорѣчія въ однихъ похвальныхъ словахъ ограниченъ, были бы риторы не лучше Максима Тирянина; а Прокоповичъ, Ломоносовъ, Елагинъ и Поповскій въ Аѳинахъ и Римѣ были бы Демосѳены и Цицероны; по крайней мѣрѣ церковное наше краснорѣчіе доказываетъ, что Россіяне при равныхъ случаяхъ никакой націи не уступаютъ“ [1]). Въ „Словѣ на выздоровленіе великаго князя“, въ „Описаніи житія графа Н. И. Панина“, даже въ „Чистосердечномъ признаніи“ встрѣчается много славянскихъ словъ, частицъ и оборотовъ. Въ самыхъ письмахъ Фонъ-Визина не мало устарѣлыхъ реченій, постепенно отброшенныхъ Карамзинымъ по крайней мѣрѣ въ извѣстномъ смыслѣ, какъ напримѣръ, *упражняться* въ значеніи *заниматься*. Такъ въ письмѣ къ Стародуму сказано: „.... Какъ болѣзнь не позволяетъ мнѣ *упражняться* въ родѣ сочиненій, кои требуютъ такого непрерывнаго вниманія и размышленія, *каковыя* потребны въ театральныхъ сочиненіяхъ; съ другой же стороны привычка *упражняться* въ *писаніи* сдѣлала сіе *упражненіе* для меня нуждою: то и рѣшился я издавать періодическое *твореніе*, гдѣ разность матерій не требуетъ непрерывнаго вниманія, а *паче* можетъ служить мнѣ забавою“ [2]). Поэтому нельзя не согласиться съ замѣчаніемъ Бѣлинскаго, что хотя

15-ти былъ отданъ»; вмѣсто: *когда я буду читать, то когда жъ писать останется мнѣ время,* — «если я безпрестанно буду читать, то когда жъ я буду писать»; вмѣсто: *толико то глубокое спокойствіе* — «такое глубокое спокойствіе», и проч., и проч. Страсть къ подновленію текста Крылова доходила до того, что въ названномъ изданіи мѣстоименіе *сей* въ большей части случаевъ замѣнено словомъ *этотъ*.

[1]) Соч. Фонъ-Визина, Спб. 1866, стр. 248.

[2]) Соч. Ф.-Визина, стр. 228. Сначала и Карамзинъ употреблялъ слово *упражняться* въ такомъ смыслѣ; но потомъ оно получило у него болѣе тѣсное значеніе.

„языкъ Фонъ-Визина рѣзко отдѣляется отъ языка ломоносовскаго и близко подходитъ къ карамзинскому, но тѣмъ не менѣе Фонъ-Визинъ относится къ писателямъ ломоносовскаго періода русской литературы“ [1]). Можно прибавить, что до Карамзина было въ ней нѣсколько человѣкъ, которые писали лучше другихъ, но они никому не передали началъ, принятыхъ ими въ руководство, и такъ какъ въ сочиненіяхъ ихъ господствуетъ языкъ неровный, разнохарактерный, то мы въ правѣ заключить, что они въ сущности держались еще ломоносовскаго ученія о трехъ родахъ слога, отличающихся между собою разною мѣрою славянской примѣси. Замѣчательно, что почти до самаго появленія Карамзина, большинство писателей, въ высшихъ родахъ сочиненій, выражалось гораздо хуже Ломоносова, и не имѣя ни его теоретическихъ познаній въ языкѣ, ни его яснаго ума и такта, запутывались въ лабиринтѣ латинскаго словорасположенія; къ тому же имъ недоставало и его строгой разборчивости въ употребленіи славянскихъ формъ и реченій. Отъ этихъ недостатковъ не убереглись даже многіе изъ профессоровъ Московскаго университета не только въ концѣ прошлаго вѣка, но еще и въ началѣ нынѣшняго. Въ ихъ рѣчахъ попадаются, правда, очень гладкія, чистымъ языкомъ написанныя мѣста, но чуть только ораторъ, по важности предмета, хочетъ подняться выше уровня вседневной рѣчи, у него является обычная примѣсь славяно-латинской схоластики; вообще запутанные и длинные періоды господствуютъ въ этихъ рѣчахъ надъ простотою русскаго синтаксиса [2]).

Такимъ-то образомъ въ исходѣ XVIII столѣтія нашъ письменный языкъ дѣлился какъ бы на двѣ струи, изъ которыхъ одна, дѣйствительно, болѣе и болѣе освобождалась отъ чуждыхъ церковно-славянскихъ элементовъ, сближаясь съ языкомъ народнымъ, а другая представляла испорченный ломоносовскій языкъ *высокаго штиля*, то-есть, языкъ, наружно построенный по началамъ геніальнаго образца, но лишенный его зиждительнаго духа. Первая, очищенная струя проходила почти исключительно чрезъ извѣстные только виды сочиненій, и тѣ самые писатели, у которыхъ она пробивалась, готовы были,

[1]) Соч. Бѣлинскаго, ч. VIII, стр. 136. — Позволяю себѣ сослаться здѣсь и на свою статью о *Фонъ-Визинѣ* князя Вяземскаго (*Спб. Вѣдом.* 1848 г. № 281—283), въ которой показано, что языкъ Фонъ-Визина представляетъ три разные оттѣнка, и обращено уже вниманіе на успѣхъ русской письменной рѣчи у нашихъ сатирическихъ писателей.

[2]) См. образчики въ Приложеніи I (ниже, на стр. 65).

при измѣненіи предмета и тона рѣчи, тотчасъ же обратиться къ другой, мутной и ложной струѣ, такъ что обѣ онѣ безпрестанно сливались, даже у одного и того же автора, иногда въ одномъ и томъ же сочиненіи.

Незадолго передъ тѣмъ, какъ Карамзинъ основалъ *Московскій Журналъ*, въ Петербургѣ стало появляться (1788) еженедѣльное изданіе *Утренніе Часы*. По языку этотъ журналъ, состоявшій преимущественно изъ небольшихъ нравоучительныхъ статей, не выходилъ изъ ряда обыкновенныхъ произведеній тогдашней литературы. Но онъ потому особенно заслуживаетъ вниманія, что главный издатель его, Иванъ Рахманиновъ[1]), въ слѣдующемъ году вмѣстѣ съ Крыловымъ предпринялъ изданіе *Почты Духовъ*. Оба журнала печатались, одинъ за другимъ, въ той же типографіи, какъ показываетъ выставленный на нихъ штемпель И. Р. Отсюда раждается вопросъ, не произошло ли соединеніе этихъ двухъ литераторовъ для издательской дѣятельности еще до 1789 года и не участвовалъ ли Крыловъ уже и въ изданіи *Утреннихъ Часовъ*, въ первомъ выпускѣ которыхъ говорится объ *издателяхъ*. Но рѣшеніе этого вопроса сюда не относится, и я перехожу къ другому журналу, который здѣсь нужнѣе принять въ соображеніе, Это— *Чтеніе для вкуса, разума и чувствованій*, возникшее въ одно время съ *Московскимъ Журналомъ*. Въ изданіи *Чтенія* главное участіе принимали Сохацкій и Подшиваловъ[2]). Ихъ называютъ то предшественниками, то сподвижниками Карамзина въ дѣлѣ улучшенія литературнаго языка[3]). Но вполнѣ ли это вѣрно? Сохацкій и Подшиваловъ были почти ровесниками Карамзина[4]). Первый, уроженецъ Полтавской губерніи, сынъ священника, учился сперва въ

---

[1]) Не *Рахмановъ*, какъ названъ въ біографіи Крылова (стр. XXI Юнгмейстерова изданія) товарищъ его по изданію *Почты Духовъ*. Эта погрѣшность перешла уже и во множество другихъ статей о Крыловѣ.

[2]) Имя Сохацкаго упомянуто при этомъ журналѣ въ Смирдинской Росписи. Въ біографіяхъ какъ его, такъ и Подшивалова говорится объ участіи перваго только въ позднѣйшихъ изданіяхъ послѣдняго. Впрочемъ, такъ ли было, или иначе, здѣсь это не важно; дѣло только въ томъ, что Сохацкій и Подшиваловъ дѣйствительно трудились вмѣстѣ въ нѣкоторыхъ изданіяхъ.

[3]) Еще и въ одной рѣчи, произнесенной 1-го декабря 1866 г., Подшиваловъ названъ предшественникомъ Карамзина. Это можно сказать развѣ въ томъ только отношеніи, что Подшиваловъ участвовалъ въ изданіи нѣкоторыхъ сборниковъ прежде чѣмъ появился *Московскій Журналъ;* но вѣдь и Карамзинъ не этимъ изданіемъ началъ свое литературное поприще.

[4]) Сохацкій умеръ на 44-мъ году 18-го марта 1809; слѣдовательно, онъ родился въ 1766. Подшиваловъ род. 2-го марта 1765 г.

Кіевской духовной академіи, а потомъ уже въ Московскомъ университетѣ; во всю жизнь занимался онъ преимущественно древней литературой и никогда не могъ усвоить себѣ легкаго слога. „Казалось", замѣтилъ его біографъ еще въ 1821 году [1]), „что изустное объясненіе его имѣло болѣе занимательности и пріятности, нежели самый слогъ, въ коемъ видна нѣкоторая принужденность, происходившая отъ старанія быть точнымъ и выразительнымъ". Словомъ, языкъ Сохацкаго навсегда сохранилъ отпечатокъ происхожденія и семинарскаго воспитанія этого ученаго. Ни изъ чего не видно, чтобы Сохацкій сочувствовалъ Карамзину: извѣстно напротивъ, что онъ въ своемъ журналѣ *Иппокрена или утѣхи любословія* (характеристическое заглавіе!) помѣстилъ, 1799 г., направленные противъ Карамзина стихи: *Ода въ честь моему другу*. Совершенно въ другомъ положеніи былъ Подшиваловъ. Подмосковный уроженецъ, солдатскій сынъ, съ 1782 г. студентъ Московскаго университета и вскорѣ „учитель россійскаго стиля", потомъ одинъ изъ ревностнѣйшихъ членовъ литературнаго собранія при университетѣ, онъ соединялъ въ себѣ гораздо болѣе условій къ тому, чтобы содѣйствовать успѣхамъ языка, и въ самомъ дѣлѣ усердно пошелъ по стопамъ Карамзина. При его главномъ участіи университетское общество издавало, одинъ за другимъ, періодическіе сборники: *Вечерняя Заря* (1782), *Покоящійся Трудолюбецъ* (1785), *Чтеніе для вкуса* (1791). Послѣдній изъ нихъ, какъ уже замѣчено, возникъ одновременно съ *Московскимъ Журналомъ*, въ которомъ Подшиваловъ также принималъ нѣкоторое участіе. О дружескихъ отношеніяхъ между нимъ и Карамзинымъ есть нѣсколько свидѣтельствъ. Карамзинъ самъ не разъ говоритъ о немъ въ своей перепискѣ съ Дмитріевымъ, называя его *нашъ пріятель* и упоминая о получаемыхъ отъ него письмахъ. Подшиваловъ читалъ корректуру сочиненій Дмитріева, когда печатались *И мои бездѣлки*, а потомъ имѣлъ попеченіе о продажѣ этой книжки. Въ біографической статьѣ о немъ [2]) Владиміръ Измайловъ говоритъ: „.... Лучшимъ утѣшеніемъ были для него новая связь и новое знакомство съ человѣкомъ, который начиналъ украшать россійскую словесность и выдавалъ тогда *Московскій Журналъ*. Сей отличный авторъ полюбилъ въ немъ хорошій характеръ и талантъ, и естьли на пути литературной славы они стояли въ нѣкоторомъ отдаленіи одинъ отъ другаго, то согласіе добрыхъ сердецъ сближало ихъ въ сношеніяхъ общественной жизни и уничтожало раз-

---

[1]) *Рѣчи въ торжественныхъ собраніяхъ Москов. универс.* ч. III, стр. 64.

[2]) *Вѣстникъ Европы* 1814, № 13, стр. 33.

творилъ Церковь, взволнованную спорами о Евхаристіи. Притомъ, мы знаемъ, что Лихуды были при Академіи въ 1691 году; это значитъ, что клеветы друзей Медвѣдева, начавшіяся, по словамъ Поликарпова, тотчасъ послѣ смерти Іоакима, если онѣ и были, не имѣли на Лихудовъ никакого вліянія. Самъ Поликарповъ далѣе намекаетъ, что Лихуды отрѣшены отъ Академіи вовсе не по клеветамъ, а что въ чемъ-то они были виновны: «и праведникъ бо не безъ порока». Въ этомъ краткомъ, ненамѣренномъ, можетъ быть, замѣчаніи сказано многое. Письмо Патріарха іерусалимскаго Досиѳея къ Царямъ Іоанну и Петру (отъ 10 Авг. 1693 года) разрѣшаетъ вопросъ о удаленіи Лихудовъ изъ Академіи. Въ 1691 году отъ 29 Апр. Досиѳей писалъ къ Лихудамъ съ племянникомъ своимъ Архимандритомъ Хрисанѳомъ и писалъ благосклонно: называлъ ихъ мудрѣйшими учителями, восхвалялъ древнюю славу ихъ рода, изъявлялъ радость о успѣхахъ, какіе они оказываютъ въ Академіи. Въ заключеніе Патріархъ просилъ Лихудовъ вспомоществовать Хрисанѳу, если онъ чего потребуетъ въ пользу Гроба Господня ([46]). Въ Ноябрѣ Хрисанѳъ явился въ

(46) Письмо Досиѳея при Мечцѣ духовномъ. Досиѳей милостію Божіею Патріархъ св. града Іерусалима и всея Палестины.

Словеснѣйшіи и мудрѣйшіи іеромонаси духовніи учителіе кѵръ Іоанникіе и кѵръ Софроніе Лихуди, чада о Господѣ возлюбленная! Вашея вѣрности благодать и миръ и милость да будетъ вамъ отъ Бога, и отъ пресвятаго Гроба помоць и посѣщеніе, отъ васъ же молитва, благословеніе и прощеніе. Радуемся о древней рода вашего славѣ, юже овамо боговѣнчаннѣйшими и державнѣйшими святыми Цари вы возвасте, радуемся и о предуспѣніи, еже вами Господь сотвори и творитъ въ томъ же православномъ родѣ, и молимъ самого Бога, да и отнынѣ превозспосылаетъ сіе дѣло ваше отъ силы въ силу и своспоставитъ въ величайшее, еже по Христѣ, совершенство. А яже при насъ, да увѣдите отъ настоящаго, ему же и спомоществуйте, о нихже аще въ чесомъ востребуетъ

ложенія, между прочимъ, издатели относили къ *чистому* и *пріятному* слогу, можно видѣть изъ статьи „День“, которою открывается 1-й листъ *Чтенія* и которая начинается такъ: „Пробудитесь смертные! воспряните изъ безмолвнаго усыпленія, васъ одержащаго, да узрите блистающій въ свѣтлой ясности прекрасный день. Пробуждаются они; и се я зрю чувствительныя сердца, исполняющіяся радости при воззрѣніи на чудеса природы и проливающія тихую мольбу къ Существу существъ: — Творецъ нашъ! свѣтъ, утѣшеніе и надежда наша! колико ты изливаешь благостей, да не скорбитъ духъ нашъ, совершенствуясь, въ сей мрачной юдоли“. Сравнимъ съ этимъ 1-ую страницу прозы *Московскаго Журнала:* это — знаменитое письмо „Русскаго Путешественника“ изъ Твери, начало цѣлаго ряда писемъ и статей, писанныхъ такимъ же языкомъ. Но вотъ и въ *Чтеніяхъ* „Отрывокъ чувствительнаго путешествія“ (ч. 1, стр. 26). Посмотримъ, какъ онъ начинается: „Писателю не можетъ то служить попрекомъ, когда онъ то тѣ, то другія большія и малыя вещи выводитъ на зрѣлище публики. Когда кажется ему вещь довольно важною и онъ думаетъ, что сему или тому читателю можетъ его сочиненіе служить полезнымъ или хотя пріятнымъ препровожденіемъ времени, то что тогда должно его удерживать зажечь свѣчу и вывесть дѣла свои изъ мрака?“ Здѣсь, конечно, не все дурно; встрѣчаются, далѣе, и цѣлыя страницы, довольно чистою прозою написанныя, но нигдѣ нѣтъ языка выдержаннаго въ цѣлой статьѣ; вездѣ хорошее является только какъ случайность или исключеніе. У одного Карамзина, въ это время, мы видимъ рѣчь вездѣ ровную, свидѣтельствующую о ясномъ пониманіи условій чистоты и изящества языка, о разумной строгости въ выборѣ словъ и ихъ расположеніи. Требованія Карамзина въ этомъ дѣлѣ выразились, между прочимъ, въ критическихъ статьяхъ *Московскаго Журнала*, которыя сами по себѣ составили явленіе до тѣхъ поръ небывалое въ русской литературѣ. Вошедшая въ нихъ стилистическая критика, которая теперь въ совершенномъ пренебреженіи, тогда имѣла особенную важность. Въ *Систематическомъ обозрѣніи литературы въ Россіи*, Шторха и Аделунга (Спб. 1810. стр. XV), замѣчено: „Изъ Россіянъ Карамзинъ, въ изданномъ имъ въ 1791 году *Московскомъ Журналѣ*, подалъ первый примѣръ критики литературы. Съ того времени нашелъ онъ себѣ многихъ преемниковъ“. Замѣтимъ однакожъ, что начатки литературной критики встрѣчаются уже въ *С.-Петербургскомъ Вѣстникѣ* (1778—1781), но они не выдерживаютъ сравненія съ разборами Карамзина, которые притомъ въ первый разъ обращаютъ осо-

бенное вниманіе на языкъ. Изъ нихъ видно, какъ Карамзинъ уважалъ духъ языка, какъ онъ, преслѣдуя славянизмы, вмѣстѣ съ тѣмъ вооружался и противъ галлицизмовъ, въ которыхъ послѣ слишкомъ упрекали его; онъ дорожилъ и замѣною иностранныхъ терминовъ русскими всякій разъ, когда она была возможна съ соблюденіемъ точности идеи и безъ натяжекъ. Въ особенности требовалъ онъ чистоты, ясности, гладкости, простоты, пріятности выраженія, и потому нападалъ между прочимъ на дикія для разговорнаго языка частицы: *какъ бы, колико, дабы*. Тутъ же встрѣчаются у него насмѣшливыя выходки противъ писателей, позволявшихъ себѣ неумѣстныя заимствованія изъ церковнославянскаго. Такъ, онъ говоритъ въ разборѣ перевода Клариссы Ричардсона: „Г. Переводчикъ хотѣлъ здѣсь послѣдовать модѣ, введенной въ Руской слогъ *гольмыми претолковниками NN, иже отрѣваютъ все, еже есть Руское, и блещаются блаженнѣ сіяніемъ славяномудрія*" [1]). Кого разумѣлъ Карамзинъ подъ *гольмыми* (то-есть, великими) *претолковниками?* Записки Дмитріева облегчаютъ намъ рѣшеніе этого вопроса. Говоря о писателяхъ, которые послѣ Елагина и Фонъ-Визина начали еще болѣе ихъ употреблять славянскія реченія и обороты, Дмитріевъ называетъ *усерднѣйшими славянофилами*. между прочими, извѣстнаго переводчика П. С. Захарова, Якимова, Пахомова и Сидоровскаго [2]). Якимовъ перевелъ Иліаду, коллежскій же ассессоръ Матвѣй Пахомовъ, служившій при Смольномъ монастырѣ, и священникъ Иванъ Сидоровскій, свояки, трудились совокупно и перевели общими силами „Павсанія, или Павсаніево описаніе Еллады"; послѣдними переведены сверхъ того „Разговоры Лукіана Самосатскаго" и „Творенія велемудраго Платона". Въ ихъ трудахъ, по словамъ Дмитріева, можно найдти: *тако мнѣ глаголющу, возставшу солнцу* и т. п. На этихъ же переводчиковъ 1780-хъ годовъ намекалъ, можетъ-быть, другъ Карамзина Петровъ, когда совѣтовалъ ему: „...лучше пиши все свое сочиненіе на русско-славянскомъ языкѣ, долгосложно-протяжно-парящими словами" [3]). Итакъ, мы знаемъ, кого разумѣлъ Карамзинъ подъ именемъ *гольмыхъ претолковниковъ*. Изъ нихъ Захаровъ и Сидоровскій были членами Россійской Академіи, первый съ 1786 года, второй еще съ 1783. Понятно, кто былъ задѣтъ выходкою *Мо-*

---

[1]) *Московскій Журналъ* 1791, ч. IV, стр. 112.—Замѣчанія Карамзина о языкѣ, встрѣчающіяся въ этомъ журналѣ, см. въ Прилож. II (стр. 67).

[2]) *Взглядъ на мою жизнь*, стр. 85; ср. тамъ же стр. 45.

[3]) *Русскій Архивъ* 1863 г., стр. 480.

сковскаго Журнала. Здѣсь начало гнѣва, въ послѣдствіи породившаго *Разсужденіе о старомъ и новомъ слогѣ.*

Новый духъ, новое пониманіе журнальнаго дѣла, проникавшіе *Московскій Журналъ,* не могли не отразиться и на самомъ языкѣ его. Впрочемъ, здѣсь замѣтна еще большая разница между языкомъ Карамзина и немногихъ сотрудниковъ его, даже и Подшивалова, хотя послѣдній во взглядѣ на этотъ предметъ совершенно примкнулъ къ талантливому издателю. Разница между ними, какъ стилистами, по крайней мѣрѣ за то время, наглядно выдается въ двухъ критическихъ статьяхъ Подшивалова о *Палефатѣ* Туманскаго. На варварскій языкъ этого перевода (съ греческаго) Подшиваловъ взглянулъ снисходительнѣе, нежели какъ могъ смотрѣть самъ Карамзинъ, судя по другимъ разборамъ его. „Сей переводъ въ сравненіи со многими другими", говоритъ рецензентъ, „конечно, хорошъ; однакожь онъ и не совсѣмъ чистъ. Сверхъ многихъ славянскихъ словъ, не кстати употребленныхъ, напримѣръ *дондеже, весь* (село), *якобы,* онъ *могъ видѣть,* и проч.; сверхъ неприличной смѣси Славянскаго съ Русскимъ, на пр. стр. 5: *уста и глотка возсѣли на объѣжженыхъ лошадей,* и стр. 9: *не могъ рѣшиться на убіеніе отрочати;* наконецъ сверьхъ грамматическихъ мѣлочей, на пр. *Греческого, никакого, бѣлого, укушенна будучи, все соединенно — къ баснѣ, въ роскошѣ,* — замѣтили мы еще большія странности" [1]).

Понятно, что и самъ Карамзинъ, въ *Московскомъ Журналѣ,* еще далекъ отъ тѣхъ успѣховъ языка и слога, которыхъ онъ достигъ въ своихъ послѣдующихъ трудахъ. Какъ вообще въ области литературы, такъ и въ дѣятельности каждаго замѣчательнаго писателя, языкъ постепенно совершенствуется, и условія такого развитія у отдѣльнаго автора заключаются, съ одной стороны, въ собственномъ его духѣ, безпрестанно идущемъ впередъ, съ другой — въ совокупномъ движеніи всего общества, которое, подчиняясь вліянію передовыхъ мыслителей, въ свою очередь взаимно дѣйствуетъ на нихъ. Въ этомъ отношеніи чрезвычайно поучительно было бы прослѣдить всѣ труды Карамзина, начиная отъ самыхъ раннихъ его переводовъ и сочиненій; но къ предмету настоящаго изслѣдованія все предшествовавшее *Московскому Журналу* не относится, такъ какъ насъ занимаетъ вопросъ не столько о ходѣ развитія литературной рѣчи Карамзина, сколько о свойствѣ

[1]) *Моск. Журн.*, ч. V, январь и мартъ, стр. 137 и 379. Въ февральской книжкѣ, стр. 277, помѣщено возраженіе Туманскаго подъ заглавіемъ: *О сужденіи книгъ,* съ любопытными примѣчаніями Карамзина.

ся и вліяніи на общій письменный языкъ русскій. Вліяніе же Карамзина, естественно, могло начаться только со времени изданія *Московскаго Журнала*, доставившаго ему значительный кругъ читателей и громкую извѣстность.

Само собою разумѣется, что дѣйствіе этого журнала было двоякое: однихъ онъ привлекъ къ Карамзину; другихъ, хотя далеко не столь многихъ, оттолкнулъ отъ него. Тогда-то стали явственно обозначаться двѣ школы писателей, и разногласіе ихъ должно было вскорѣ обратиться въ борьбу. Уже въ 1792 году, слѣдовательно, когда *Московскій Журналъ* еще продолжалъ выходить, явились два изданія, враждебно къ нему относившіяся, именно *Зритель* Крылова и *Россійскій Магазинъ* Туманскаго. Первый, подражаніе Аддисонову Спектетеру, имѣлъ шуточно-сатирическое направленіе; естественно поэтому, что въ большей части статей такого содержанія языкъ простъ, хотя часто совсѣмъ не изященъ и вообще крайне небреженъ; какъ замѣтилъ уже П. П. Пекарскій, журналы Крылова и Клушина „отличались особенною нерявиливостію и промахами противъ грамматики“ [1]). Разномысліе *Зрителя* съ Карамзинымъ во взглядѣ на языкъ обнаруживается не въ одномъ способѣ выражаться. Вотъ, напримѣръ, сужденіе этого журнала о Ломоносовѣ: „Сей безсмертный отецъ нашего стихотворства доказалъ, что понятіе его изобрѣло такія красоты, которыхъ никто еще не имѣлъ; онъ первый доказалъ свѣту что можно Россіянину только превзойти въ картинахъ стихотворческихъ и самаго Виргилія, гдѣ онъ ни встрѣчался съ нимъ вездѣ его превозходилъ: описаніе бури у Ломоносова несравненно живѣе.... Языкъ Россійскій отъ его пера явился сильнѣйшимъ всѣхъ Европейскихъ: Ломоносовъ имъ изображалъ все, до чего только можетъ достигнуть пламенное воображеніе витіи“ [2]) и т. д. Карамзинъ, хотя также признавалъ превосходство Ломоносова въ лирической поэзіи, однакожъ вмѣстѣ съ тѣмъ находилъ, что онъ и Сумароковъ „еще не образовали Россійскаго слога“, и замѣчалъ: „Проза Ломоносова не можетъ служить для насъ образцемъ; *длинные періоды* его утомительны, *расположеніе* словъ не всегда сообразно съ теченіемъ мыслей, не всегда пріятно для слуха“ [3]). Извѣстно, что товарищемъ Крылова по изданію *Зрителя* былъ Клу-

---

[1]) *Письма* Н. М. Карамзина къ И. И. Дмитріеву, стр. 025.

[2]) *Зритель*, ч. I, «О врожденномъ свойствѣ Россіянъ» (Плавильщикова), стр. 172.

[3]) Сочиненія Карамзина, изд. Смирд., т. I, «Похвальное слово Екатеринѣ II» стр. 363, и «Пантеонъ россійскихъ авторовъ», стр. 591.

шинъ; къ числу сотрудниковъ ихъ принадлежали Дмитревскій, Плавильщиковъ, Эминъ и Туманскій [1]). Въ журналѣ ихъ Карамзинъ задѣтъ, между прочимъ, за свои критическіе разборы. Въ такомъ смыслѣ написана цѣлая статья *Критикъ*, въ которой представленъ сердитый человѣкъ съ книгою въ рукахъ. Онъ готовится писать рецензію на эту книгу и говоритъ: „Переводъ сей гадокъ; не имѣетъ въ себѣ ни правилъ языка, ни правилъ грамматики; *достоинства чувствованій автора изкажены;* и сверхъ того есть слова, которыхъ я не понимаю". Далѣе приведено въ такомъ же тонѣ нѣсколько отдѣльныхъ примѣчаній критика; между прочимъ, осмѣяна прихотливость легкооскорбляющагося слуха („вы не можете представить, какъ это деретъ уши"), и въ заключеніе сказано: „Можно быть увѣрену, что съ его неусыпнымъ попеченіемъ о Русскомъ языкѣ, и въ самыхъ типографіяхъ опечатокъ будетъ гораздо менѣе. Правда, онъ не касается до разсматриванія Авторовыхъ мыслей, плана сочиненія, характера дѣйствующихъ лицъ, ума и способностей — да и хорошо, что не за свое не берется — какъ заниматься такою мѣлочью"? [2]). При совершенномъ невниманіи издателей *Зрителя* къ требованіямъ грамматики, понятно, какъ долженъ былъ имъ не нравиться пуризмъ Карамзина съ особеннымъ характеромъ его прозы. Что его слогъ не ускользнулъ отъ ихъ вниманія, видно изъ выходки противъ „рѣдкихъ и избранныхъ изображеній" *Московскаго Журнала*, на которыя они въ своихъ *рецептахъ* указывали какъ на средство отъ безсонницы [3]).

Другой журналъ, обнаружившій непріязненное отношеніе къ Карамзину, былъ *Россійскій Магазинъ*, хотя онъ и имѣлъ преимущественно характеръ историческаго сборника. Издатель его, Ѳедоръ Туманскій, котораго языкъ отличался особеннымъ безобразіемъ, былъ, конечно, плохимъ цѣнителемъ искусства писать; притомъ *Московскій Журналъ* не совсѣмъ благосклонно принялъ его *Палефата*, и наконецъ Карамзинъ не печаталъ „піесъ", которыми Туманскій „задавилъ" его, по выраженію самаго Карамзина въ Письмахъ къ Дмитріеву (стр. 17 и 19). Вотъ почему *Россійскій Магазинъ*, при появленіи *Оссіана* въ переводѣ Кострова, воспользовался случаемъ „зацѣпить" (опять вы-

[1]) *Письма* къ Дм., стр. 17, 28, 33.

[2]) *Зритель*, ч. I, стр. 161. Эти и подобныя выходки *Зрителя* были хорошо извѣстны Карамзину, который упоминаетъ о враждѣ его издателей въ своихъ письмахъ къ Дмитріеву. Въ маѣ мѣсяцѣ (1792 г.) оба друга подписались на этотъ журналъ (*Зр.*, ч. II, стр. 86).

[3]) *Зритель*, ч. II. «Прогулки», стр. 158, и *Письма* Карамзина къ Дмитріеву, стр. 019.

раженіе изъ писемъ къ Дмитріеву) Карамзина, который также переводилъ Оссіана въ *Московскомъ Журналѣ*. „Къ щастію", говоритъ Туманскій, „Г. Кострова, въ переводѣ нѣкоторыхъ Оссіановыхъ сочиненій предшественникъ" (въ выноскѣ сказано: *Г. К. писатель Московскаго Журнала*) „нѣкоторою частію читателей одобряемый, самъ и съ собратіею своею Судія многихъ чуждыхъ трудовъ и часто подписывающій опредѣленія безъ позволенія переноса, или спящійся сужденіе другихъ поддержать своими примѣчаніями, предоставилъ случай сличить сей переводъ, сдѣлать обоимъ сравненіе и поставя цѣну тому и другому заключить и о прочемъ. Сравненіе съ таковымъ переводчикомъ у мѣста, и чья побѣда, того знаменитѣе торжество" [1]). Затѣмъ напечатаны рядомъ тѣ же мѣста Оссіана изъ обоихъ переводовъ, сравненіе, прямо подходящее къ предмету настоящей статьи. Предоставляя любопытнымъ обратиться къ самому *Магазину*, считаю здѣсь достаточнымъ сослаться на тотъ краснорѣчивый фактъ, что Туманскій отдаетъ рѣшительное предпочтеніе переводу Кострова.

Нападенія на Карамзина продолжались и по прекращеніи его журнала; въ 1793 году главнымъ поприщемъ ихъ служило новое ежемѣсячное изданіе Крылова и Клушина *С.-Петербургскій Меркурій* [2]), въ языкѣ котораго, впрочемъ, ничего новаго замѣтить нельзя.

Нѣкоторыя изъ обвиненій, которымъ Карамзинъ подвергся, показываютъ, что онъ возстановилъ противъ себя журналы не только своею критикой, своеобразіемъ своихъ взглядовъ, но отчасти и новостью своего языка, въ которомъ, какъ и вообще въ его дѣятельности, видѣли отступленіе отъ правилъ и отъ принятыхъ образцовъ. Посмотримъ теперь, какое дѣйствіе онъ производилъ на примкнувшихъ къ нему писателей. Поразительнымъ въ этомъ отношеніи явленіемъ служитъ журналъ *Пріятное и полезное препровожденіе времени*, который Подшиваловъ началъ издавать въ Москвѣ въ 1794 году, то-есть, черезъ годъ послѣ удаленія Карамзина съ журнальнаго поприща. Въ статейкѣ Подшивалова *Къ сердцу*, которою открывается новое изданіе, мы находимъ доведенное до крайности восхваленіе *чувствительности* и между прочимъ такое восклицаніе: „*Простосердечіе, чистосердечіе!* надъ вами смѣются въ нынѣшнія времена: но ты, любезный К** *(Карамзинъ)*, иныхъ со мною о томъ мыслей. Сколько разъ желалъ ты ихъ возвращенія на землю, и чтобъ единодушная любовь одушевляла всѣхъ смертныхъ!" Не только въ содержаніи, но и во

---

[1]) *Россійскій Магазинъ*, ч. I. стр. 198—205.

[2]) См. Приложеніе III (стр. 70).

всемъ складѣ рѣчи подобныхъ статеекъ, повторяющихся въ началѣ каждаго года изданія, какъ и вообще въ цѣломъ составѣ этого журнала, отразилось сильное вліяніе Карамзина. Самъ Подшиваловъ въ *Чтеніи для вкуса* писалъ совсѣмъ не такъ. Новою рѣчью заговорили и сотрудники его. Такъ въ письмѣ, при которомъ кто-то предлагаетъ издателямъ стихи для помѣщенія въ журналѣ, сказано: „Естьли они вамъ поправятся, естьли угодно вамъ будетъ оные напечатать въ вашемъ Пріятномъ и полезномъ препровожденіи времени, и естьли чувствительной, нѣжной, любезной и привлекательной нашъ Стернъ, читая ихъ, произнесетъ: *изрядные;* то я постараюсь и впредь доставлять" и проч., а въ выноскѣ объяснено: „Я подъ симъ разумѣю почтеннаго нашего господина Издателя Московскаго Журнала и Сочинителя Аглаи. Весьма прискорбно нѣжной душѣ взирать на благодѣтельную Натуру, начинающую раздавать намъ дары свои, и не имѣть второй книжки Аглаи, которая чувствительнымъ слогомъ поблагодарила бы за оные" [1]). Не отзывается ли здѣсь каждая строчка подражаніемъ слогу и языку Карамзина?

Такимъ образомъ Подшиваловъ является ближайшимъ послѣдователемъ и подражателемъ Карамзина, хотя ему и не удалось вполнѣ усвоить себѣ чистоту, правильность и легкость рѣчи послѣдняго. Но мы имѣемъ возможность еще точнѣе узнать понятія Подшивалова о слогѣ, окончательно развившіяся, очевидно, уже въ школѣ карамзинскаго языка. Изъ автобіографической записки его извѣстно, что *имъ* продиктованъ „Сокращенный курсъ Россійскаго слога" [2]), изданный въ 1796 году (въ Москвѣ) ученикомъ его Скворцовымъ. Разсмотримъ же, какъ понималъ искусство писать подражатель Карамзина въ такое время, когда тотъ уже проложилъ новый путь въ этомъ дѣлѣ. Правда, что Подшиваловъ, указывая на книги, „къ основательному познанію Россійскаго языка много способствующія", не называетъ сочиненій Карамзина; но послѣ того, какъ онъ на словахъ и на дѣлѣ уже высказалъ свое уваженіе къ этому писателю, такое молчаніе можно объяснить только тѣмъ, что недавній примѣръ Карамзина, какъ видно

---

[1]) *Пріятн. и Полезн. Препр. Времени* 1794, ч. II, стр. 230.

[2]) «Намѣревался я также», говоритъ Подшиваловъ, «выдать *Начальныя основанія Россійскаго слога* въ трехъ томахъ.... Матеріалы готовы; лѣнь и недостатокъ времени помѣшали трудъ сей окончить. Между тѣмъ, чтобъ пощупать пульсъ у публики, какъ она его приметъ, я заставилъ ученика своего, Скворцова, издать по временамъ мною диктованный ему *Курсъ Россійскаго слога*» (*Москвитянинъ*, 1842 г. № 1, стр. 179).

изъ намека въ другомъ мѣстѣ книжки (на который ниже будетъ указано), и безъ того уже вызвалъ много неискусныхъ ему подражателей, употреблявшихъ во зло нѣкоторыя особенности его слога. Причиной, почему здѣсь не названъ Карамзинъ, могло быть еще и то, что онъ, вслѣдствіе связей съ Новиковымъ, подвергся подозрѣніямъ со стороны властей, и еще въ концѣ 1795 г. ходили о немъ *разные слухи, разсѣянные злобой и глупостью*, напримѣръ, будто онъ сосланъ [1]) Выдавать за образецъ такого человѣка въ учебникѣ могло казаться не совсѣмъ благовиднымъ и безопаснымъ. Это тѣмъ правдоподобнѣе, что Дмитріевъ уже поименованъ между извѣстнѣйшими писателями [2]), и что въ главѣ: *Нѣчто о поэзіи* выписаны, въ числѣ другихъ стиховъ, и отрывки изъ стихотвореній Карамзина, но безъ имени его и только со ссылками на *Московскій Журналъ*, откуда они взяты. Не касаясь недостатковъ принятой въ основаніе *курса* системы и несоразмѣрности разныхъ частей ея, ограничусь выборомъ нѣкоторыхъ существенныхъ понятій изъ разныхъ мѣстъ этой книги.

Слогъ раздѣляется въ ней по прежнему на *высокій, посредственный* и *простой*; но въ основу такого дѣленія положены уже не ломоносовскіе, а другіе признаки: „*Простой* (слогъ) вообще не имѣетъ почти никакихъ украшеній, хотя и наблюдаетъ во всемъ нѣкоторую пристойность; *посредственный* напротивъ того имѣетъ уже свои украшенія, а *высокой* слова отборныя, мысли важныя и острыя, страсти великія и благородныя, фигуры для возбужденія оныхъ пристойныя“. Въ этомъ дѣленіи смѣшаны внѣшніе признаки съ внутренними, и ничего опредѣлительнаго не сказано; но за то оно и поставлено какъ бы на второмъ планѣ. Въ основаніе же ученія о слогѣ положено вѣрное начало: „Всякой почти различно мыслитъ, слѣдовательно всякой имѣетъ и свой стиль“; къ чему прибавлено замѣчаніе, явно согласное съ ученіемъ Карамзина: „но мы того только называемъ хорошимъ стилистомъ, кто пишетъ *правильно* и *пріятно*“. По отношенію къ своимъ внутреннимъ качествамъ, слогъ раздѣленъ вообще на *худой* и *хорошій*. Худое выраженіе мыслей приписано незнанію языка и не довольно очищенному вкусу (опять та же карамзинская идея). Затѣмъ объяснено, что худо пишетъ тотъ, кто пишетъ: 1) *темно*; 2) *педантически*;

---

[1]) *Письма* къ Дм., стр. 62.

[2]) Образцами признаны, для прозы: сочиненія Ломоносова, Ѳеофана, Гедеона, Платона и св. Дмитрія, особливо его Четьи Минеи; для стиховъ: сочиненія Ломоносова же, Хераскова, Майкова, Сумарокова, Державина, Княжнина, *Дмитрева*, Богдановича и проч.

„когда кто слишкомъ привязанъ къ *школярщинѣ*, къ древностямъ и чужестраннымъ вещамъ, не всякому извѣстнымъ“; 3) *принужденно:* „когда подражаетъ кто великимъ писателямъ, но не искусною рукою, или выказываетъ свою ученость, которой очень мало“; 4) *высокопарно* или *надуто:* „когда кто, говоря о маловажныхъ вещахъ, употребляетъ пышныя выраженія, или ложными прикрасами убираетъ матерію важную“; 5) *слишкомъ низко:* „когда кто употребляетъ простонародныя слова, охотникъ до присловицъ и побасенокъ и кажется, хочетъ увеселить только шутливаго ротозея“; 6) *слишкомъ растянуто*, и 7) *слишкомъ коротко*[1]). О нѣкоторыхъ изъ этихъ свойствъ разсѣяны въ другихъ мѣстахъ книги еще подробнѣйшія замѣчанія. Такъ, объ устарѣвшихъ словахъ сказано, что ихъ „не долженъ употреблять хорошій писатель, хотя бы и разумѣлъ ихъ, выключая нѣкоторыхъ славенскихъ, въ высокомъ слогѣ употребительныхъ“[2]). Высокопарныя реченія, упомянуто далѣе, „часто затмѣваютъ стиль и болѣе изобличаютъ педанта или школьника, безпрестанно проповѣдующаго о миріадахъ, лабиринтахъ, сферахъ, серафимахъ и пр. Въ семъ случаѣ не надобно подражать и великимъ людямъ, иногда въ томъ погрѣшающимъ, дабы не уподобиться придворнымъ Александра Великаго, которые для того держали голову на одну сторону, что государь ихъ былъ кривошея“[3]). Здѣсь довольно ясно высказано предостереженіе тѣмъ молодымъ писателямъ, которые, встрѣчая у Карамзина иностранныя слова, стали слишкомъ неумѣренно употреблять ихъ. Въ подкрѣпленіе совѣта избѣгать простонародныхъ словъ приведены примѣры: *моркотно, обизорно, трслюдитъ, разчетверивать, чичаговать.* (Сюда же отнесены и слова *провинціальныя*, которыя въ другихъ мѣстахъ Россіи непонятны)[4]). Припомнимъ, что и Карамзинъ, по крайней мѣрѣ въ началѣ своего поприща, смотрѣлъ такимъ же образомъ на простонародныя слова, когда они сообщаютъ низкую идею. Такъ, онъ (въ 1793 г.) совѣтовалъ Дмитріеву исключить изъ одного стихотворенія „отвратительное“ слово *паренъ*, и находилъ, что при этомъ словѣ „является мыслямъ дебе-

---

[1]) *Сокращ. курсъ росс. слога,* стр. 87—97.

[2]) Тамъ же, стр. 43.

[3]) Тамъ же, стр. 52. Слова: *миріады* и *сферы* встрѣчаются въ слѣдующей фразѣ Карамзина: «Кто чрезъ *миріады* блестящихъ *сферъ*, кружащихся въ голубомъ небесномъ пространствѣ» и т. д. (*Аглая* I, *Нѣчто* о *наукахъ* и пр., стр. 69). Извѣстно другое его выраженіе: «святое, никакими *сферами* неограниченное желаніе всеобщаго блага». (Тамъ же, *Что нужно автору?* стр. 29).

[4]) Тамъ же, стр. 43, 44.

лый мужикъ, который чешется неблагопристойнымъ образомъ и утираетъ рукавомъ мокрые усы свои, говоря: *ай парень! что за квасъ!* Надобно признаться, что тутъ нѣтъ ничего интереснаго для души нашей!“ [1]).

Изъ свойствъ дурнаго слога выведены принадлежности хорошаго, который долженъ быть: 1) ясенъ; 2) негрубъ; 3) безъ всякаго принужденія; 4) натураленъ; 5) благороденъ; 6) обиленъ, и 7) хорошо связанъ. Ясность признана первымъ свойствомъ „стиля“, требующимъ употребленія такихъ словъ, которыя были бы „понятны и несомнительны“. Условіемъ для того, чтобы писать негрубо, поставлено „обхожденіе съ просвѣщенными людьми“ и тутъ же оговорено: „мы не разумѣемъ однакожъ тѣхъ полуфранцузовъ, которые портятъ и наконецъ забываютъ свой языкъ“ [2]). Наконецъ, существеннымъ признакомъ хорошаго языка заявлена „совершенная одинаковость или единообразіе въ словахъ и теченіи оныхъ, безъ всякихъ скачковъ и неравностей“ [3]), то-есть, именно то свойство, которымъ проза Карамзина отличается отъ всего, что̀ до тѣхъ поръ писалось.

Ученіе о періодахъ и предложеніяхъ представляетъ сбивчивость, происходящую отъ неточнаго разграниченія самыхъ понятій, выражаемыхъ этими словами. Между прочимъ, однакожъ, очень опредѣлительно сказано, что промежутки отъ одной точки до другой „въ старину бывали очень велики, такъ что періода однимъ духомъ весьма часто выговаривать было не можно; но нынѣ употребляются по большой части пункты коротенькіе, по причинѣ труднаго понманія длинныхъ. Словъ 8, 10 и 15 въ періодѣ, такъ и довольно“ [4]). Прежде, при долгихъ періодахъ, „союзы были необходимы; но нынѣ опущеніе ихъ, то-есть, союзовъ соединительныхъ, особливую составляетъ пріятность; а особливо *стиль Французской, отъ всѣхъ нынѣ принимаемой*, не мало заимствуетъ отъ сего красы своей“ [5]). Здѣсь подчеркнутыя мною слова заслуживаютъ особеннаго вниманія: они показываютъ, какъ современники Карамзина смотрѣли на способъ изложенія, начинавшій распространяться въ русской литературѣ вслѣдствіе успѣха его сочиненій. И не удивительно, что такъ разумѣли карамзинскій слогъ, понявъ несообразность *латино-германскаго* строя рѣчи, ко-

[1]) *Письма* къ Дмитріеву, стр. 39.

[2]) *Сокращ. курсъ*, стр. 92.

[3]) Тамъ же, стр. 44.

[4]) Тамъ же, стр. 20.

[5]) Тамъ же, стр. 29. — Ср. *ниже, въ настоящей статьѣ*, стр. 52 и 64.

торый введенъ былъ Ломоносовымъ и такъ долго послѣ него держался.

Сообразно съ предыдущимъ, въ главѣ о переводахъ замѣчено, что требованіе вѣрности „не препятствуетъ иногда, для большей ясности и вразумительности, раздроблять большіе періоды, которые на россійскомъ языкѣ могутъ быть и скучны и темны. Да и сверхъ того есть такіе случаи, въ которыхъ по необходимости можно нарушить дальнѣйшую точность въ переводѣ, и во 1-хъ несходство языковъ въ выраженіи можетъ побудить насъ къ такому поступку, а потомъ требуемая въ переводѣ ясность и удержаніе важности подлинника весьма часто помянутой точности бываютъ противны“. Въ такомъ же смыслѣ Подшиваловъ совѣтуетъ переводчикамъ „выражать все такими словами и съ такими притомъ оборотами, которые на нашемъ языкѣ не странны, не противны, но оному свойственны. Каждый языкъ имѣетъ свои собственныя выраженія, которыхъ на другой въ точности никакъ перевесть не можно, и тогда переводчикъ долженъ ставить на мѣсто ихъ другія, но близкія и красоту и силу подлинника точно выражающія“ [1]). Вообще писатели должны остерегаться „не передѣлывать своего языка на образецъ чужестранныхъ“ [2]) и, безъ особенной надобности, не заимствовать реченій изъ другихъ языковъ: „если провинціальныя слова хулы достойны, то тѣмъ болѣе чужестранныя, а особливо развратителями языка безъ нужды употребляемыя“ [3]). Такому же осужденію подвергнуты „тѣ вновь произведенныя слова, которыя скованы или вычечены молодыми, богатства нашего языка не знающими людьми, безъ всякой нужды и изъ одной безвременной щекотливости, чтобъ чрезъ то выказать себя или представить что либо особливое. Довольно примѣровъ тому въ новыхъ книгахъ, и жалко, естьли послѣдуетъ онымъ молодой съ дарованіями писатель, ибо таковыя слова отчасти непонятны, отчасти невыразительны, а отчасти и совершенно смѣшны“ [4]).

Всѣ эти наставленія въ книгѣ, изданной въ послѣдній годъ царствованія Екатерины II, очень замѣчательны, доказывая, какъ нелѣпыя подражанія Карамзину осуждались самими разумными его послѣдователями, гораздо прежде Шишкова, и какъ несправедливо послѣдній распространилъ свои обвиненія на всю новую школу и на самого ея основателя. Мнѣ казалось нелишнимъ остановиться нѣсколько до-

---

[1]) *Сокращ. курсъ росс. слога* стр. 38.

[2]) Тамъ же, стр. 52.

[3]) Тамъ же, стр. 45.

[4]) Тамъ же, стр. 46.

лѣе на этой теперь уже рѣдкой книжкѣ, такъ какъ она, сколько мнѣ извѣстно, до сихъ поръ не обращала на себя ничьего еще вниманія, а между тѣмъ необходимо имѣть ее въ виду и для ближайшаго опредѣленія началъ *новаго слога,* и для полной оцѣнки *Разсужденія* Шишкова. Сознавались ли эти начала до появленія Карамзина? По крайней мѣрѣ, мы не видимъ, чтобъ они были кѣмъ-нибудь выражены или приложены къ дѣлу: видимъ только частное осуществленіе нѣкоторыхъ изъ нихъ въ извѣстныхъ, прежде поименованныхъ мною родахъ сочиненій, которые писались *низкимъ* слогомъ. Не слышалось прежде и упрека въ излишнемъ употребленіи иностранныхъ словъ и галлицизмовъ. Усвоить себѣ тѣ новыя качества, которыя поражали въ рѣчи Карамзина, было не легко безъ особенныхъ свойствъ его духа, безъ его многосторонняго образованія и глубокаго знанія русскаго языка. Удивительно ли, что писатели, имѣвшіе всю добрую волю идти вслѣдъ за нимъ, но лишенные этихъ внутреннихъ условій, могли овладѣть только нѣкоторыми внѣшними признаками его рѣчи, и желая щеголять ими, довели ихъ до крайности? Фактъ одновременнаго появленія, въ 1790-хъ годахъ, множества неискусныхъ подражателей языку Карамзина убѣдительнѣе всего доказываетъ образованіе въ его сочиненіяхъ *новаго слога,*—новаго не только своимъ содержаніемъ, но и формою.

Не всегда ли счастливо проложенный путь въ литературѣ привлекаетъ къ себѣ множество охотниковъ идти по свѣжимъ слѣдамъ смѣлаго пролагателя, и часто ли подражаніе удается?

Встрѣчая у Карамзина не употреблявшіяся до тѣхъ поръ слова и выраженія, авторы-новички хотѣли отличиться такими же нововведеніями, но не имѣли той же удачи въ своихъ попыткахъ. Мы знаемъ, что самъ Карамзинъ еще долго не былъ доволенъ господствовавшимъ въ литературѣ языкомъ: ему не нравился способъ изложенія не только противниковъ его, но и подражателей. Въ разговорѣ съ Каменевымъ (1800) онъ отозвался не очень благопріятно объ Измайловѣ [1]). Къ Дмитріеву же онъ писалъ (1798), когда готовилъ сборникъ своихъ переводовъ,—*Пантеонъ иностранной словесности:* „Пока не выдаю собственныхъ своихъ бездѣлокъ, хочу служить публикѣ собраніемъ чужихъ піесъ, не противныхъ вкусу и писанныхъ не со-

[1]) «Въ письмахъ Измайлова замѣтилъ я нѣсколько періодовъ, съ меня копированныхъ; но ему простительно,—онъ по-русски не читалъ ничего кромѣ *Моихъ бездѣлокъ*» (*Вчера и сегодня*, 1845, письма Каменева).

всѣмъ *обыкновеннымъ Рускимъ* — то-есть, не совсѣмъ *пакостнымъ слогомъ*“. [1]).

Само собою разумѣется, что тѣ, которые хотѣли остаться неподвижными въ старыхъ привычкахъ и пріемахъ письменнаго языка, не могли простить Карамзину его нововведеній и лучшее противъ него оружіе находили въ томъ, что́ писали неловкіе его подражатели. Болѣе всѣхъ должна была оскорбляться новымъ слогомъ Россійская Академія, считавшая себя *законодательницей языка и вкуса*. Выше было уже показано, что Карамзинъ еще въ *Московскомъ Журналѣ* бросилъ перчатку академическимъ славяноманамъ, и вотъ одинъ изъ новобранцевъ Академіи (избран. 16-го дек. 1796 г.) выступаетъ впередъ рьянымъ борцомъ стараго слога. Книга Шишкова, за которою онъ, по собственному его сознанію, сидѣлъ три года [2]), до сихъ поръ еще не оцѣнена по всей справедливости. Правда, что уже Макаровъ, Мартыновъ, Дашковъ и Каченовскій отмѣтили въ ней много нелѣпостей; но ограниченность, безвкусіе, недостатокъ основательной учености и добросовѣстной критики, обнаруженные ея авторомъ, еще ждутъ себѣ заслуженнаго приговора.

Говорятъ, что книга Шишкова все-таки принесла свою пользу, и это несомнѣнно: всякая крайность имѣетъ ту хорошую сторону, что она предостерегаетъ отъ крайности противоположной; но парадоксъ тѣмъ не менѣе остается парадоксомъ. Говорятъ также, что Шишковъ, въ сущности, ратовалъ не за языкъ, а за чистоту вѣры и нравственности. Съ этимъ нельзя согласиться: сначала не было и рѣчи о чемъ либо иномъ, кромѣ *слога*, котораго порча приписывалась только пристрастному предпочтенію французскаго языка и французскому воспитанію [3]); потомъ, уже въ концѣ своего *Разсужденія*, Шишковъ, чувствуя недостаточность прямыхъ доводовъ, прибѣгнулъ къ другимъ и задѣлъ своихъ противниковъ опасеніемъ за ихъ религіозныя и патріотическія чувства [4]). Чѣмъ далѣе шла полемика, тѣмъ болѣе пользовался

[1]) *Письма* къ Дмитріеву, стр. 99.

[2]) «Меркуріи станутъ долговременные плоды упражненія моего въ языкѣ и трехъ-лѣтній трудъ мой, употребленный на сочиненіе сей книги, опровергать двухъдневною работою своею»! (*Прибавленіе къ Разсужд. о ст. и нов. сл.*, Спб. 1804, стр. 96).

[3]) Шишковъ не замѣтилъ, что Карамзинъ въ *Вѣстникѣ Европы* самъ съ жаромъ возставалъ противъ такого пристрастія и во всемъ направленіи этого журнала обнаруживалъ патріотизмъ, который стоялъ никакъ не ниже *его* собственнаго (шишковскаго).

[4]) *Разсужд.*, стр. 303: «Сія ненависть къ языку своему (а съ нимъ понемногу,

онъ этою уловкой; но спорившіе съ нимъ очень хорошо понимали настоящій смыслъ ея, и Дашковъ умно замѣтилъ: „Онъ считаетъ всякое *оружіе* противъ соперниковъ своихъ законнымъ“ [1]), а въ другомъ мѣстѣ: „Зачѣмъ къ обыкновеннымъ сужденіямъ о словесности примѣшивать постороннія укоризны въ неисполненіи обрядовъ, предписанныхъ Церковію?“ [2]) Тѣ, которые защищались въ этой полемикѣ, вели себя гораздо благороднѣе Шишкова и отзывались о немъ, въ нѣкоторыхъ сужденіяхъ своихъ, очень снисходительно.

Въ „Предувѣдомленіи“ къ первому изданію *Разсужденія* (1803) прямо говорится: „Сочиненіе сіе не иное что есть, какъ родъ веденной мною записки всему тому, что мнѣ при чтеніи разныхъ старинныхъ и новыхъ книгъ, *касательно до языка и слога*, замѣтить случилось“.

Въ заглавіи *Разсужденія* Шишковымъ противопоставлены *старый* и *новый слогъ*. Слѣдовательно, былъ *новый*, то-есть, недавно образовавшійся слогъ. Откуда же онъ явился? съ чего или съ кого начался? Намъ говорятъ, что онъ былъ уже и прежде, въ сатирическихъ журналахъ 70 и 80-хъ годовъ, въ сочиненіяхъ Фонъ-Визина и Крылова; но если такъ, то отчего же въ 1803 году онъ названъ *новымъ?* Или онъ названъ такъ потому только, что къ нему примѣшались нѣкоторыя иностранныя слова?

Попытаюсь свести въ нѣсколько пунктовъ безсвязныя, безпрестанно повторяющія одно и то же обвиненія Шишкова; можетъ-быть, изъ нихъ уже видно будетъ отчасти, что̀ именно сдѣлалъ Карамзинъ въ отношеніи къ языку.

Первымъ и важнѣйшимъ недостаткомъ *новаго слога* въ глазахъ Шишкова было исключеніе изъ него церковно-славянскихъ словъ и оборотовъ. Въ самомъ началѣ своего *Разсужденія* онъ жалуется, что *въ большей части нынѣшнихъ нашихъ книгъ* господствуетъ странный слогъ, и главную причину того видитъ въ пренебреженіи къ церковно-славянскому языку, *корню и началу русскаго*. Ошибочное понятіе объ отношеніи между обоими языками и было источникомъ всего неудовольствія Шишкова. Онъ не догадывался, что долговременное преобладаніе перваго надъ послѣднимъ въ литературѣ было явленіемъ

постепенно и къ сродству и къ обычаямъ и къ вѣрѣ и къ отечеству) уже такъ сильно вкоренилась въ насъ» и проч.

[1]) *Легч. способъ*, стр. 30.

[2]) *Цвѣтникъ*, изд. В. Измайловымъ и П. Никольскимъ (декабрь 1810 года), Ч. VIII, стр. 431.

хотя и неизбѣжнымъ, но не законнымъ, игомъ, которое могучій народный языкъ долженъ былъ рано или поздно сбросить съ себя. Произнеся свою жалобу, Шишковъ направляетъ первый ударъ не на Фонъ-Визина, не на Крылова или прежнихъ сатириковъ, а прямо на Карамзина. Онъ выписываетъ нѣсколько строкъ изъ *Пантеона Россійскихъ Авторовъ* [1]), только-что изданнаго. Итакъ, вотъ чтеніе, послужившее ему непосредственнымъ поводомъ къ началу войны противъ новаго слога. Какое же мѣсто болѣе всего обратило на себя его вниманіе? Это слѣдующія слова изъ замѣтки о Кантемирѣ: „Раздѣляя слогъ нашъ на эпохи, первую должно начать съ Кантемира, вторую съ Ломоносова, третью съ переводовъ Славено-русскихъ г. Елагина, а четвертую съ нашего времени, въ которое образуется пріятность слога, *называемая Французами élégance*" (послѣднія три слова исключены Карамзинымъ изъ позднѣйшихъ изданій *Пантеона* въ собраніи его сочиненій). Въ этомъ небольшомъ отрывкѣ Шишкову представилась многообразная ересь: 1) неуваженіе къ славяно-русскому языку; 2) мысль, что слогъ нашъ сталъ пріобрѣтать пріятность независимо отъ церковно-славянскаго; 3) означеніе этого новаго свойства французскимъ словомъ, и 4) отнесеніе Ломоносова къ законченному уже періоду развитія литературнаго языка. Шишковъ не могъ простить Карамзину, что не видѣлъ у него „краснорѣчиваго смѣшенія Славенскаго величаваго слога съ простымъ Россійскимъ" и умѣнія „высокій Славенскій слогъ съ просторѣчивымъ Россійскимъ такъ искусно смѣшивать, чтобъ высокопарность одного изъ нихъ пріятно обнималась съ простотою другаго" [2]). Такое смѣшеніе, какъ выше показано, встрѣчалось у всѣхъ прежнихъ писателей, не исключая Фонъ-Визина и Крылова, когда они сходили съ почвы *низкаго штиля:* оно составляло принадлежность стараго слога, переходившаго иногда въ то *славяномудріе*, противъ котораго Карамзинъ, первый, открыто возсталъ еще въ *Московскомъ Журналѣ.* Шишковъ не забылъ одной сказан-

---

[1]) *Пантеонъ Россійскихъ Авторовъ*, ч. I, Москва, 1801. Изданіе Пл. Бекетова (въ листъ; печат. у Селивановскаго). Любопытно, что Карамзинъ, сообщая выдержки изъ своего текста къ этому изданію въ № 20 *Вѣстника Европы* 1802 года, пишетъ: «Пантеонъ *Русскихъ*» (а не Россійскихъ) «авторовъ». Въ *Письмахъ* его къ Дмитріеву (стр. 115) онъ называетъ *котинками* эти свои замѣтки о русскихъ писателяхъ. Изъ рѣдкаго экземпляра *Пантеона* въ здѣшней Публичной библіотекѣ, бóльшая часть портретовъ, къ сожалѣнію, вырѣзана какимъ-то безсовѣстнымъ читателемъ.

[2]) *Разсужд.*, стр. 14.

ной тамъ фразы и теперь повторяетъ ее: „Слогъ нашего переводчика (то-есть, переводчика *Неистоваго Роланда*) можно назвать изряднымъ: онъ не надутъ славянщизною и довольно чистъ“ [1]).—„Что иное значитъ слово сіе“ (*славянщизна*), спрашиваетъ Шишковъ съ негодованіемъ, „какъ не презрѣніе ко всему Славенскому языку?“

Вторымъ обвинительнымъ пунктомъ его было излишнее употребленіе французскихъ словъ и оборотовъ, какъ-то: *моральный*, *эстетическій*, *эпоха*, *гармонія*, *энтузіазмъ*, *катастрофа*, *серіозно*, *меланхолія*, *миѳологія*, *религія*, *рецензія*, *героизмъ*, *быть на сценѣ*, *выходить на сцену* и т. п. Не находя у самого Карамзина довольно словъ и реченій этого рода, онъ отыскиваетъ ихъ у самыхъ плохихъ писакъ и призываетъ своего противника къ отвѣту за всѣ ихъ нелѣпыя заимствованія. Онъ не замѣчаетъ, что самъ часто грѣшитъ галлицизмами, что способенъ, какъ указалъ Дашковъ, „соблюсти даже цѣлыми страницами французское словосочиненіе“, и не перестаетъ „вопіять противъ галлицизмовъ“ [2]).

Въ связи съ этимъ онъ упрекаетъ Карамзина за его начитанность, за его знакомство съ Боннетомъ, Вольтеромъ, Юнгомъ, Томсономъ, Оссіаномъ, Стерномъ, Лафатеромъ, Кантомъ и другими писателями, которыхъ тотъ будто бы „твердитъ на каждой страницѣ“, выучившись у нихъ русскому, *на бредъ положему* языку. Вмѣсто ихъ критикъ ставитъ въ образецъ, между прочимъ, труды Ломоносова, Сумарокова, Мотониса, Крашенинникова [3]), Полѣтики, Павла Кутузова и Ивана Захарова. При чтеніи *Пантеона Россійскихъ авторовъ*, отъ вниманія Шишкова страннымъ образомъ ускользнуло, что составитель этихъ замѣтокъ также былъ знакомъ съ древнею русскою литературой, что кромѣ Боннета, Вольтера, Юнга и проч. онъ читалъ Нестора, пѣснь о Полку Игоревѣ, Ѳеофана, Димитрія Ростовскаго, и словомъ, если не все, то по крайней мѣрѣ многое изъ того, что̀ читалъ самъ за-

---

[1]) *Моск. Журн.* 1791, ч. II, стр. 324.

[2]) *Легчайшій способъ*, стр. 10.

[3]) Въ *Пантеонѣ росс. авторовъ* есть замѣтка и о Крашенинниковѣ (1713—1755). Въ его описаніи Камчатки Карамзинъ видитъ недостатокъ «пріятности»; въ переводѣ же Квинта-Курція, который въ свое время считался классическимъ, признаетъ нѣкоторое достоинство въ сравненіи съ другими переводами древнихъ писателей (см. выше стр. 31). Но въ статьѣ *о русской грамматикѣ Француза Модрю* (1803) онъ говоритъ: «Классическій авторъ Русскаго языка есть для г. Модрю Крашенинниковъ; изъ его Квинта-Курція приведены сіи щастливыя фразы» (Слѣдуетъ выписка дурныхъ выраженій).

щитникъ стараго слога, поражающій насъ слабыми познаніями своими въ иностранныхъ языкахъ и литературахъ.

Далѣе новые писатели обвиняются въ составленіи русскихъ словъ и реченій по иностранному образцу (въ *юродивомъ переводѣ* и *выдумкѣ словъ и рѣчей*), какъ-то: *трогательный*, *занимательный*, *сосредоточить*, *представитель*, *начитанность*, *обдуманность*, *оттѣнокъ*, *страдательная* роль, *гармоническое* цѣлое и мн. др. При этомъ Шишкова особенно сердитъ, что многимъ словамъ, уже прежде существовавшимъ, придается новое, болѣе духовное значеніе,—напримѣръ, что слова́ *развить*, *развитіе*, *утонченный*, *утонченность*, *переворотъ* стали употребляться въ смыслѣ не собственномъ (подобно французскимъ développer, raffiné, révolution). Болѣе всего не нравится ему слово *развитіе*, напримѣръ, въ выраженіи *развитіе характера*, и онъ считаетъ совершенно равносильнымъ *прозябеніе*, которое и употребляетъ такимъ образомъ въ своемъ *Разсужденіи* (напримѣръ, пишетъ: „прозябеніе талантовъ“ [1]). „Какъ же“, спрашиваетъ онъ, „вводимъ мы съ Французскаго языка въ Русской такое выраженіе, которое сами Французы на своемъ языкѣ употреблять сочли бы за безобразіе? По истиннѣ разумъ и слухъ мой страдаютъ, когда мнѣ говорятъ: *Ночныя бесѣды, въ которыхъ развивались первыя мои метафизическія понятія*“. Фраза эта взята изъ статьи Карамзина: *Цвѣтокъ на гробъ моего Агатона* [2]). „Для чего“, замѣчаетъ критикъ далѣе, „въ вышесказанной рѣчи не сказать: въ которыхъ первыя мои понятія *прозябали?*“ [3]) Также строго осуждаетъ онъ выраженіе Карамзина: „когда путешествіе сдѣлалось потребностію души моей“ [4]) и спрашиваетъ: „Свойственно ли по-русски говорить: *потребность души моей*, и можно ли путешествіе называть *потребностію*, *надобностію*, или *нуждою* души? Есть ли сочинителю мало показалось сказать: *когда я любилъ путешествовать*, то могъ бы онъ премногими другими сродными языку нашему оборотами рѣчь сію выразить, какъ напримѣръ: *когда душа моя питалась, услаждалась путешествіями*; или *когда путешествіе было единымъ изъ вожделѣннѣйшихъ желаній моихъ*“. Въ наше время подобныя сужденія такъ много говорятъ сами за себя, что нѣтъ уже надобности, вмѣстѣ съ Макаровымъ [5]), разбирать это мѣсто.

---

[1]) *Разсужд.*, стр. 164, 422.

[2] и [4]) Соч. Карамз., изд. Смирд., т. III, стр. 361 и 363.

[3]) *Разсужд.*, стр. 290, 291.

[5]) *Моск. Меркурій*, декабрь 1803, стр. 191, 192.

Не менѣе усердно Шишковъ, въ своей книгѣ, преслѣдуетъ неправильное, то-есть, несогласное съ законами русскаго языка образованіе нѣкоторыхъ словъ и реченій, наприм., *вліяніе на —*, *будущность;* сюда же относитъ онъ сравнительныя: *картиннѣе*, *напряженнѣе*, *человѣчнѣе*, а равно несообразное, по его понятіямъ, словосочетаніе, напримѣръ, *излишнее* самолюбіе (въ чемъ, какъ онъ увѣряетъ, нѣтъ смысла) или *лошадь, покрытая потомъ* („ибо простыя и низкія понятія важнымъ и возвышеннымъ слогомъ описывать неприлично"). Что касается до слова *вліяніе*, то оно употреблялось еще до Карамзина, между прочимъ въ рѣчахъ московскихъ профессоровъ, но прежде дополнялось различными предлогами: то *въ*, то *надъ*, то *на*. Въ примѣръ неудачныхъ нововведеній Шишковъ приводитъ такую, по его мнѣнію, *вздорную рѣчь:* „авторскою дѣятельностью имѣть вліяніе на современниковъ", или выставляетъ на позоръ изъ *Писемъ Русскаго путешественника* слѣдующій переводъ замѣтки Лафатера: „Мудрый отличается отъ слабоумнаго только средствами самочувствованія. Чѣмъ простѣе, вездѣсущнѣе, всенасладительнѣе, постояннѣе и благодѣтельнѣе есть средство или предметъ, въ которомъ или черезъ который мы сильнѣе существуемъ, тѣмъ существеннѣе мы сами, тѣмъ вѣрнѣе и радостнѣе бытіе наше, — тѣмъ мы мудрѣе, свободнѣе, любящѣе, любимѣе, живущѣе, оживляющѣе, блаженнѣе, человѣчнѣе, божественнѣе, съ цѣлію бытія нашего сообразнѣе" [1]). Но Карамзинъ и самъ не выдавалъ этого перевода за образцовый: онъ хотѣлъ только въ точности передать мысли швейцарскаго мудреца (какимъ считалъ Лафатера) и для того переводилъ почти слово въ слово, ставя въ скобкахъ нѣкоторыя слова подлинника. Это не что иное, какъ смѣлая попытка. Тѣмъ не менѣе Шишковъ говоритъ: „Я не знаю, Лафатеръ ли взлетѣлъ выше предѣловъ моего ума, или переводчикъ его туда поднялъ, но дѣло въ томъ, что я изъ нихъ ни того, ни другаго не понимаю. Положимъ, что я по тупости моего ума (хотя уже лѣтъ десятка три и побольше упражняюсь въ наукахъ) не могу понимать высокихъ мыслей; но я не разумѣю словъ, то какъ же требовать отъ меня, чтобъ я разумѣлъ мысль, которая безъ словъ существовать не можетъ" [2])? Замѣтимъ однакожь, что о приведенномъ мѣстѣ можно судить только въ связи съ другими мыслями, которыми Лафатеръ отвѣчалъ на вопросъ русскаго путешественника: „Какая есть всеобщая цѣль бытія нашего, равно достижимая для мудрыхъ и слабоумныхъ?"

---

[1]) Соч. Карамз., т. II, стр. 243, 244.

[2]) *Разсужд.*, стр. 348, 349.

Для объясненія, какъ Карамзинъ поступалъ при употребленіи еще необработаннаго литературнаго языка, чрезвычайно важна статья его въ *Вѣстникѣ Европы:* „Отъ чего въ Россіи мало авторскихъ талантовъ?" [1]) Шишковъ не могъ ею не воспользоваться для своей цѣли, и дѣйствительно въ его *Разсужденіи* мы находимъ длинный разборъ нѣкоторыхъ мѣстъ ея, между прочимъ слѣдующаго: „Истинныхъ Писателей было у насъ еще такъ мало, что они не успѣли дать намъ образцевъ во многихъ родахъ; не успѣли обогатить словъ тонкими идеями; не показали, какъ надобно выражать пріятно нѣкоторыя, даже обыкновенныя мысли. Руской Кандидатъ Авторства, недовольный книгами, долженъ закрыть ихъ и слушать вокругъ себя разговоры, чтобы совершеннѣе узнать языкъ. Тутъ новая бѣда: въ лучшихъ домахъ говорятъ у насъ болѣе по-Французски!... Чтожь остается дѣлать Автору? выдумывать, сочинять выраженія; угадывать лучшій выборъ словъ; давать старымъ нѣкоторый новый смыслъ, предлагать ихъ въ новой связи, но столь искусно, чтобы обмануть читателей и скрыть отъ нихъ необыкновенность выраженія! Мудрено ли, что сочинители нѣкоторыхъ Рускихъ комедій и романовъ не побѣдили сей великой трудности, и что свѣтскія Дамы не имѣютъ терпѣнія слушать или читать ихъ, находя, что такъ не говорятъ люди со вкусомъ?... Французскій языкъ весь въ книгахъ (со всѣми красками и тѣнями, какъ въ живописныхъ картинкахъ), а Руской только отчасти; Французы пишутъ какъ говорятъ, а Рускіе обо многихъ предметахъ должны еще говорить такъ, какъ напишетъ человѣкъ съ талантомъ". Далѣе, замѣчая, что у насъ такъ много обстоятельствъ, отвлекающихъ молодаго человѣка отъ ученья, Карамзинъ спрашиваетъ: „Кому у насъ десять, двадцать лѣтъ рыться въ книгахъ, быть наблюдателемъ, всегдашнимъ ученикомъ, писать и бросать въ огонь написанное, чтобы изъ пепла родилось что нибудь лучшее?" Въ цѣломъ этомъ отрывкѣ каждое слово заслуживаетъ особеннаго вниманія, потому что Карамзинъ очевидно выражаетъ здѣсь пріобрѣтенное опытомъ сознаніе тѣхъ трудностей, съ которыми самъ онъ въ началѣ своего поприща долженъ былъ бороться, а вмѣстѣ съ тѣмъ обозначаетъ, въ указаніяхъ своихъ, и собственные свои пріемы въ авторскомъ дѣлѣ. Не о себѣ ли онъ говорилъ не разъ, что взялъ свой языкъ — *изъ камина?* [2]) Если

---

[1]) ***Вѣстникъ Европы***, 1802, № 14, стр. 124.

[2]) Изъ рукописныхъ воспоминаній Ѳ. Н. Глинки: «Я спросилъ еще его: откуда взяли вы, Николай Михайловичъ, такой чудесный слогъ? — Онъ отвѣчалъ: Изъ камина. — Какъ, изъ камина?! — А такъ: я переводилъ одно и то же разъ, два

такимъ образомъ послѣдняя фраза приведеннаго отрывка имѣетъ отношеніе къ нему самому, то тѣмъ вѣрнѣе и все предыдущее, какъ болѣе существенное, должно быть примѣнено къ собственной его дѣятельности.

Это подтверждается какъ другимъ его же свидѣтельствомъ, такъ и отзывомъ Макарова. Прежде нежели была написана статья *Вѣстника Европы*, Карамзинъ говорилъ Каменеву: „Вознамѣрясь выйти на сцену, я не могъ сыскать ни одного изъ Рускихъ сочинителей, который бы былъ достоинъ подражанія, и отдавая всю справедливость краснорѣчію Ломоносова, не упустилъ я замѣтить штиль его *дикій, варварскій*, вовсе не свойственный нынѣшнему вѣку, и старался писать чище и живѣе. Я имѣлъ въ головѣ нѣкоторыхъ иностранныхъ Авторовъ: сначала подражалъ имъ, но послѣ писалъ уже *своимъ*, ни отъ кого *не заимствованнымъ* слогомъ. И это совѣтую всѣмъ подражающимъ мнѣ сочинителямъ, чтобъ не всегда и не вездѣ держаться *оборотовъ моихъ*, но выражать свои мысли такъ, какъ имъ кажется живѣе“ [1]). Макаровъ, упомянувъ объ успѣхахъ просвѣщенія Россіи въ царствованіе Екатерины II, доказываетъ необходимость новыхъ словъ для новыхъ понятій, которыхъ, по его замѣчанію, тысячи порождены въ умѣ нашемъ чужестранными обычаями: „вкусъ очистился; читатели не хотятъ, не терпятъ выраженій противныхъ слуху; болѣе двухъ третей Рускаго Словаря остается безъ употребленія: что дѣлать? искать *новыхъ средствъ изъясняться*“. Эти разсужденія прямо приводятъ Макарова къ указанію на Карамзина, который, какъ онъ выражается, „очистилъ, украсилъ нашъ языкъ“ [2]).

Но Шишковъ этого не признавалъ, и разбирая приведенныя выше строки изъ статьи *Вѣстника Европы*, онъ останавливается почти надъ каждымъ словомъ то съ софизмомъ, то съ ироніей. Между тѣмъ однакожъ самъ онъ говоритъ въ одномъ мѣстѣ [3]), что „изобрѣтать и распространять знаменованіе словъ есть дѣло искусныхъ писателей“; только, къ этому онъ прибавляетъ: (писателей) „знающихъ корни языка своего и умѣющихъ производить отъ нихъ сродныя имъ отрасли, которыя, хотя при первомъ появленіи своемъ и кажутся для отвыкшихъ отъ нихъ ушей нѣсколько странны, но вскорѣ, по отысканіи источника

и три раза, и прочитавъ и обдумавъ, бросалъ *въ каминъ*, пока наконецъ доходилъ до того, что могъ издать въ свѣтъ».

[1]) *Вчера и сегодня*, изд. гр. Соллогубомъ, кн. I, Спб. 1845.

[2]) *Моск. Мерк.*, дек., стр. 162—164. Ср. тамъ же апр., стр. 73.

[3]) *Разсужд.*, стр. 290.

ихъ, становятся понятны разуму и прiятны слуху" [1]). Въ первой части этой оговорки выражено очень вѣрное начало, которое, какъ увидимъ ниже, признавалъ и самъ Карамзинъ. Но какiя опасности оно представляетъ въ исполненiи, убѣдительно доказалъ самъ Шишковъ. Совѣтуя, для передачи новыхъ мыслей, держаться исключительно церковныхъ книгъ и старинныхъ писателей, онъ предлагаетъ, между прочимъ, *наитiе* или *наитствованiе* вмѣсто „влiянiе", отвергаетъ *развитiе* только потому, что его нѣтъ въ старыхъ книгахъ, и предпочитаетъ ему *прозябенiе;* далѣе требуетъ удержанiя такихъ словъ, какъ *непщевать, гобзованiе, одебелѣть, присноткущiй, любомудрiе, умодѣлiе, ядца* (плоти) и *пiйца* (крови). Даже нѣкоторые техническiе термины, по его мнѣнiю, прекрасно переведены, какъ напримѣръ, параллельныя линiи названы *минующими чертами*, хорда—*подтягающею*, дiаметръ—*размѣромъ*, центръ—*остiю* и проч. „Таковыя и симъ подобныя слова", полагаетъ онъ, „нужны намъ, онѣ обогащаютъ языкъ нашъ и наполняютъ его новыми понятiями.... Бросимъ", заключаетъ Шишковъ въ одномъ примѣчанiи къ *Разсужденiю* [2]), „чужеземный составъ рѣчей, придержимся собственнаго своего слога и станемъ *новыя мысли свои* выражать *старинным* *предковъ нашихъ складомъ*" [2]). Во взглядѣ на этотъ предметъ, Шишкова значительно опередилъ даже Ломоносовъ, который допускалъ только, и то въ высокомъ слогѣ, слова понятныя всякому Русскому и не слишкомъ обветшалыя. Въ концѣ *Разсужденiя* помѣщена элегiя, представляющая въ каждомъ стихѣ пародiю на языкъ Карамзина. Вотъ первые стихи ея:

„*Потребностей* моихъ единственный *предметъ!*
Красотъ твоей души *моральный, милый* свѣтъ,
Всю *физику* мою *приводитъ въ содроганье:*
Какое на меня ты дѣлаешь *влiянье!*"

Такимъ образомъ книга о старомъ и новомъ слогѣ начинается и кончается выходками противъ Карамзина: хотя онъ въ ней нигдѣ и не названъ, хотя бóльшая часть ея выписокъ сдѣлана изъ разныхъ плохихъ и посредственныхъ писателей, подражавшихъ Карамзину безъ всякаго умѣнья, однакожъ очевидно, что она направлена собственно противъ него, какъ родоначальника новаго слога. Когда Макаровъ, издававшiй *Московскiй Меркурiй*, въ самый годъ выхода въ свѣтъ *Разсужденiя*, въ послѣднемъ нумерѣ своего журнала напечаталъ раз-

[1]) *Разсужденiе*, стр. 291.
[2]) Тамъ же, стр. 420.

боръ этой книги, то Шишковъ, возражая ему, объявилъ, „что онъ въ то время, когда писалъ ее, не только журнала, называемаго Московскимъ Меркуріемъ, не читалъ, но ниже слышалъ, что оный есть на свѣтѣ“ [1]). Итакъ Шишковъ не замѣтилъ самаго разумнаго и ловкаго изъ послѣдователей Карамзина, и обратилъ вниманіе на бездарныхъ его подражателей, которые не могли имѣть никакого значенія для судьбы литературнаго языка. Изъ сочиненій же самого Карамзина не приведено имъ, кромѣ нѣсколькихъ иностранныхъ словъ, ничего такого, что̀ бы дѣйствительно доказывало недостатки новаго слога.

Переходя затѣмъ къ заключеніямъ, которыя могутъ быть выведены изъ всего изложеннаго, отдѣлимъ сперва чисто-внутреннюю сторону сочиненій Карамзина, *матерію* или содержаніе, новость котораго въ нихъ можетъ быть такъ же мало оспариваема, какъ и значеніе этого элемента для другой ихъ стороны, или *формы*. Въ послѣдней отличимъ опять *слогъ* и *языкъ*. Согласимся, что *слогъ*, въ тѣсномъ смыслѣ,—это характеръ изложенія, это въ отношеніи къ рѣчи то же, что̀ походка въ движеніи тѣла; почеркъ въ письмѣ, физіономія въ чертахъ и выраженіи лица; *языкъ* писателя — это общее орудіе мысли въ распоряженіи отдѣльнаго лица, орудіе, употребляемое каждымъ съ бо̀льшимъ или меньшимъ знаніемъ и умѣньемъ.

Во время Карамзина у насъ еще не отличали слога отъ языка писателя: этихъ двухъ понятій не раздѣляли ни самъ онъ, ни его противники; какъ онъ, въ приведенныхъ отрывкахъ, такъ и Шишковъ, во всѣхъ своихъ разсужденіяхъ, говорятъ о слогѣ вообще, то-есть, въ обширномъ смыслѣ, разумѣя и слогъ собственно и языкъ. Но для точнаго опредѣленія особенностей писателя въ изложеніи, необходимо строго держаться обозначеннаго нами различія.

Слогъ Карамзина,—это собственно то, что̀ г. Лавровскій называетъ „совершенно органическимъ продуктомъ врожденныхъ способностей его духовной организаціи и всего его образованія, всей совокупности образовательныхъ элементовъ, вошедшихъ въ его душу и участвовавшихъ въ окончательной выработкѣ его общаго душевнаго настроенія“ [2]); къ слогу Карамзина относится сказанное далѣе тѣмъ же авторомъ: „онъ былъ дѣйствительно новымъ по симпатичности, нѣжности, сердечности, исходившимъ изъ природы Карамзина“ [3]). Можно прибавить, что въ его слогѣ выразилась также его потребность въ гар-

---

[1]) *Прибавленіе* къ Разсужденію, стр. 170.

[2]) и [3]) *Карамзинъ и его литературная дѣятельность*, стр. 41.

наслажденію, которое влечетъ въ бездну погибели. Отъ чего жъ ты не видишь пути, испещреннаго цвѣтами? О безуміе! О ослѣпленіе (стр. 142—144)! Поучая примѣрами благочестію, Софроній въ то же время учитъ своихъ питомцевъ и привязанности къ Монарху: «какъ благополучно мое странствованіе»! говоритъ онъ, научая, какъ писать эпилоги къ рѣчамъ; «я прибылъ изъ Греціи въ Москву восхвалять Царя Русскаго. Какъ прекрасно начались и продолжаются труды мои! Какими благами, какими радостями они украшаются»! и т. д. Въ другомъ мѣстѣ говоритъ: «будемъ единодушно молить Господа, чтобы Онъ даровалъ здравіе Православному Царю нашему»!

4. логика.

Σωφρονίȣ Ἱερομονάχȣ Λειχȣ́δȣ ἔκθεσις φωταυγεςάτη ἁπάσης τῆς Λογικῆς πραγματίας — Іеромонаха Софронія Лихуда яснѣйшее изложеніе всего логическаго дѣйствованія (Рукоп. М. Д. Академіи N 300), писанное рукою самаго Софронія; другой экземпляръ Логики (N 299) списанъ рукою Николая Семенова Головина.

Софроній началъ читать Логику 17 Марта 1690 года и до 11-го Августа 1691 года прочиталъ обширное введеніе въ эту науку. Въ предисловіи онъ сказалъ, что будетъ слѣдовать Аристотелю: «въ изложеніи во всемъ послѣдуемъ Аристотелю; впрочемъ что у него изслѣдовано полно, мы представимъ въ сокращеніи, дабы облегчить учащихся, на пользу которыхъ трудимся по милости и благодѣянію Благочестивѣйшихъ Самодержцевъ всей Россіи Іоанна и Петра Алексіевичей». Дѣйствительно, Софроній въ своихъ чтеніяхъ слѣдовалъ Аристотелю; но нѣсколько измѣнилъ порядокъ его изслѣдованій. Введеніе у него раздѣляется на три части (*μέρη*) сообразно съ

ность языка, шероховатыя, часто грубыя выраженія, тяжелый строй рѣчи, неестественное словорасположеніе. Понятно, что онъ сталъ думать о томъ, какъ бы и русской рѣчи придать свойства, которыя производили бы такое же благопріятное впечатлѣніе. Вотъ въ какомъ смыслѣ онъ сталъ подражать иностраннымъ писателямъ. Это никакъ не значитъ, чтобъ онъ въ строеніи русской рѣчи примѣнялся къ французскому или англійскому синтаксису. Замѣчая, что въ богатѣйшихъ литературахъ мало разницы между языкомъ книжнымъ и разговорнымъ образованнаго общества, онъ попалъ на справедливую мысль сблизить русскій письменный языкъ съ русскимъ разговорнымъ, не столько удалившимся отъ народнаго, какъ первый. Когда же разговорный языкъ не представлялъ достаточныхъ средствъ для выраженія новыхъ идей, Карамзинъ естественно признавалъ необходимымъ прибѣгать или къ заимствованію готовыхъ иностранныхъ словъ, или къ образованію соотвѣтствующихъ русскихъ. Въ случаяхъ, когда русская разговорная рѣчь оказывалась не довольно обработанною, онъ совѣтовалъ и наоборотъ *говорить* такъ, какъ сталъ бы *писать* человѣкъ съ талантомъ [1]), то-есть, онъ старался въ подобныхъ случаяхъ такъ выражаться на письмѣ, чтобъ его языкъ годился и для разговора въ образованномъ обществѣ. Въ такомъ смыслѣ и Макаровъ, вполнѣ усвоившій себѣ понятія Карамзина въ этомъ дѣлѣ, говорилъ, что современные писатели стараются образовать *одинъ* языкъ „для книгъ и для общества, чтобы писать какъ говорятъ и говорить какъ пишутъ“ [2]). На исходную точку Карамзина въ стилистикѣ очень опредѣлительно указываютъ слѣдующія слова того же Макарова: „Фоксъ и Мирабо говорили отъ лица и передъ лицемъ народа, или передъ его повѣренными, такимъ языкомъ, которымъ всякой, естьли умѣетъ, можетъ говорить въ обществѣ; а языкомъ Ломоносова мы не можемъ и *не должны* говорить, хотя бы умѣли.... Есть *правила общія* для сочиненія на всѣхъ языкахъ.... есть *вкусъ*, который пріобрѣтается единственно посредствомъ сравненія... Хотимъ сочинять фразы и производить слова по *своимъ* понятіямъ, *нынѣшнимъ*, умствуя какъ Французы, какъ Нѣмцы, какъ всѣ нынѣшніе просвѣщенные народы“ [3]). Какъ вѣрно здѣсь переданы мысли самого Карамзина, видно изъ словъ его въ академической рѣчи 1818 года: „Мы не хотимъ подражать иноземцамъ, но

[1]) См. выше, стр. 48, отрывокъ изъ статьи: «Отъ чего въ Россіи мало авторскихъ талантовъ?»

[2]) *Московскій Меркурій*, декабрь 1803 г. стр. 180.

[3]) Тамъ же, стр. 180, 183, 168, 170.

пишемъ, какъ они пишутъ: ибо живемъ, какъ они живутъ; читаемъ, что они читаютъ; имѣемъ тѣ же образцы ума и вкуса" [1]).

Ясно, что прежде всего Карамзинъ озабоченъ былъ тѣмъ, чтобъ языкомъ своихъ сочиненій удовлетворять образованному эстетическому чувству: онъ захотѣлъ придать слогу *пріятность*, или изящество (élégance), писать *со вкусомъ*. Мы уже видѣли изъ собственныхъ его выраженій, что онъ находилъ „длинные" ломоносовскіе періоды „утомительными", расположеніе ихъ „не всегда сообразнымъ съ теченіемъ мыслей, не всегда пріятнымъ для слуха". Было также показано, что до Карамзина господство ломоносовскаго синтаксиса въ русской прозѣ, за исключеніемъ только нѣкоторыхъ родовъ сочиненій, не прекращалось; иначе и быть не могло: Ломоносовъ еще всѣми былъ признаваемъ за образецъ языка и слога. Карамзинъ, первый, отнесся къ нему критически и высказалъ неодобреніе его стилистическихъ началъ. Въ противоположность имъ онъ считалъ нужнымъ:

1) Писать *недлинными*, *неутомительными* предложеніями.

2) Располагать слова *сообразно съ теченіемъ мыслей* и съ особыми *законами* языка. „Лучшій, то-есть истинный порядокъ", по замѣчанію Карамзина, „всегда *одинъ* для расположенія словъ; Руская грамматика не опредѣляетъ его: тѣмъ хуже для дурныхъ писателей!" [2])

Эти два правила относятся къ синтаксису, котораго упрощеніе, такимъ образомъ, совершилось въ сочиненіяхъ Карамзина вовсе не въ силу подражанія французскому или англійскому языку, а въ силу потребности русскаго ума и вкуса.

Были ли у Карамзина новые обороты? Нынѣшній читатель почти не замѣтитъ ихъ въ его сочиненіяхъ; между тѣмъ мыслящіе люди изъ его современниковъ, Макаровъ, Дашковъ и др., находили у него новизну и въ этомъ отношеніи. Самъ онъ также высказалъ убѣжденіе, что писателю его времени нужно было нѣкоторое творчество въ выраженіяхъ, и сверхъ того прямо свидѣтельствовалъ (въ приведенномъ отвѣтѣ Каменеву) о самобытности своихъ оборотовъ. Ключемъ къ уразумѣнію этихъ показаній можетъ служить его же поясненіе, что надобно „предлагать слова въ новой связи, но такъ искусно, чтобъ скрыть отъ читателя необыкновенность выраженія". Величайшее искусство Карамзина, какъ стилиста, въ томъ и обнаружилось, что онъ

[1]) Соч. Карамзина, т. III, стр. 649.

[2]) *Вѣстникъ Европы*, 1803, № 15, и Соч. Карамзина, т. III, стр. 600.

безъ всякихъ, повидимому, усилій, безъ рѣзкихъ и разительныхъ нововведеній рѣшилъ задачу мыслящаго писателя, имѣющаго дѣло съ не установившимся и мало разработаннымъ литературнымъ языкомъ. Еще и въ наше время всякій русскій писатель по опыту знаетъ, легка ли борьба мысли съ выраженіемъ въ языкѣ, менѣе другихъ развитомъ; а между тѣмъ русскій языкъ послѣ Карамзина, конечно, ушелъ впередъ. Чтобъ оцѣнить заслугу Карамзина съ этой стороны, всего поучительнѣе опять сравнивать его изложеніе съ тѣмъ, что̀ писалось другими до него и еще долго при немъ. Уже Макаровъ предлагалъ, вмѣсто длинныхъ толкованій о фразахъ, „сравнить два хорошихъ сочиненія *одного рода*, старое и новое, двухъ писателей одной степени", и для примѣра совѣтовалъ „взглянуть на три разные перевода одного мѣста изъ Бюффона" [1]). Читая Карамзина со вниманіемъ даже въ первоначальныхъ изданіяхъ его сочиненій [2]), мы по большей части бываемъ поражены только непринужденною простотою его оборотовъ, почти всегда согласныхъ съ нынѣшнимъ языкомъ. У него вовсе нѣтъ тѣхъ неловкихъ и странныхъ въ наше время выраженій, о которыя мы безпрестанно спотыкаемся у другихъ тогдашнихъ прозаиковъ. Вотъ почему современники Карамзина и находили его слогъ новымъ. Обыкновенно думаютъ, что въ болѣе раннихъ его сочиненіяхъ много галлицизмовъ. Между тѣмъ у него и въ первое время его журнальной дѣятельности очень рѣдко встрѣтится выраженіе, напоминающее иностранный оборотъ, да и тогда скорѣе замѣтно сходство съ нѣмецкимъ языкомъ, нежели съ французскимъ. Такъ, въ Похвальномъ словѣ Екатеринѣ II есть фраза: „Народы.... благодарны *противъ* (gegen) царей добродѣтельныхъ!" [3]). Къ числу не часто попадающихся у него галлицизмовъ можно отнести выраженія въ родѣ слѣдующихъ, которыя, впрочемъ, въ наше время сдѣлались почти общими: „дѣлать свободнымъ", „имѣть алчность къ богатству", „имѣть довѣренность", „*надобно* имѣть очень здоровую голову, *чтобы* отъ ихъ краснорѣчія не почувствовать

---

[1]) Макаровъ (*Моск. Мерк.*, дек., стр. 178) указываетъ для этого извѣстный монологъ, влагаемый Бюффономъ въ уста перваго человѣка, сознающаго свое бытіе, — въ переводахъ Малиновскаго, Лепехина и Карамзина. Читатели найдутъ начало всѣхъ трехъ переводовъ означеннаго мѣста въ Приложеніи V-мъ къ этой статьѣ (стр. 73). Вслѣдъ за ними помѣщены тамъ же небольшіе отрывки изъ трехъ журналовъ 1790-хъ годовъ.

[2]) Необходимое условіе для исторической оцѣнки его языка, потому что въ послѣдующихъ изданіяхъ онъ исправлялъ нѣкоторыя выраженія.

[3]) Соч. Кар., т. I, стр. 378.

въ ней боли" [1]). Старание Карамзина избѣгать несвойственныхъ русскому языку оборотовъ было такъ велико, что даже въ пріятельскихъ письмахъ онъ не позволялъ себѣ, безъ оговорки, употреблять выраженій, отзывающихся чуждымъ происхожденіемъ. Такъ, еще въ 1793 г. онъ писалъ къ Дмитріеву: „Изъ политическихъ стиховъ можно и должно сдѣлать другое употребленіе *(прости мнѣ сей галлицизмъ)* [2]). Такъ и въ Письмахъ Русскаго Путешественника: „Въ теченіе всѣхъ пяти актовъ громкая хвала не умолкала. Ла-Ривъ старался всѣми силами заслуживать ее, и, *какъ Французы говорятъ*, превосходилъ въ искусствѣ самого себя, не жалѣя бѣдной своей груди" [3]). Выраженіе: *превосходить самого себя*, безъ оговорки, казалось Карамзину въ то время слишкомъ еще новымъ и смѣлымъ. Постепенное совершенствованіе языка, въ отношеніи къ силѣ, выразительности и чисто-русскому характеру, очень замѣтно въ сочиненіяхъ Карамзина. Онъ самъ заботился о томъ, и въ „эпилогѣ" къ *Московскому Журналу* обѣщалъ между прочимъ, что *Аглая*, которая заступитъ его мѣсто, будетъ „отличаться отъ него.... вообще чистѣйшимъ, то-есть, болѣе выработаннымъ слогомъ; ибо", прибавлено къ этому, „я не принужденъ буду издавать ее въ срокъ".

Въ *Вѣстникѣ Европы* успѣхъ языка поразителенъ. Наблюдая характеръ карамзинской прозы, съ синтаксической стороны, мы придемъ къ заключенію что новость ея для современниковъ состояла не столько въ томъ, что мы собственно разумѣемъ подъ *оборотами*, сколько въ цѣломъ строѣ его рѣчи, въ гладкости и чистотѣ ея, въ смѣлыхъ сочетаніяхъ и сопоставленіяхъ словъ, въ живыхъ и яркихъ выраженіяхъ. Все это можно видѣть болѣе изъ совокупности его первыхъ сочиненій, нежели изъ отдѣльныхъ выраженій.

Приведу однакоже нѣсколько примѣровъ:

„Пришла весна, и благодѣтельныя *вліянія* сего прекраснаго времени года *возвратили* мнѣ друга; бальзамическія *испаренія* зеленѣющихъ травъ *освѣжили его сердце;* вмѣстѣ съ цвѣтами *разцвѣтала душа его,* и вмѣстѣ съ нѣжными птенцами слабый *духъ* его *оперялся*"; — „*знанія разливаются* какъ волны морскія"; — „помнишь, другъ мой, какъ мы нѣкогда.... *ловили* въ исторіи всѣ благородныя *черты* души человѣческой"; — „доказательство, что сердца ихъ *отверзались* вне-

---

[1]) *Аглая* (2-е изд.) I, стр. 62, 69; II, стр. 108, 157.

[2]) *Письма* къ Дмитріеву, стр. 38.

[3]) *Аглая*. II, стр. 134.

чатлѣніямъ изящнаго" [1]); — „такія великодушныя, безкорыстныя чувства трогательны для всякаго, еще *не мертваго душею* человѣка. Разныя *обстоятельства* измѣняли нашъ простой, добрый характеръ и *запятнали его* на время; видимъ людей, *углубленныхъ въ свою личность* и *холодныхъ для* всего народнаго" [2]).

Въ отношеніи къ лексическому составу литературнаго языка, у Карамзина замѣчаются слѣдующіе элементы:

1) Большее и большее ограниченіе нелюбимыхъ имъ славянизмовъ, то-есть, заимствованій изъ *церковно-славянскаго* языка словъ и формъ. Карамзинъ понималъ его отдѣльность отъ другаго славянскаго языка, издревле употреблявшагося въ Россіи и получившаго (по его мнѣнію, отъ Норманновъ) названіе *русскаго*. Въ доказательство того онъ, еще въ 1803 году, противополагалъ переводъ Библіи языку Слова о Полку Игоревѣ. Но Карамзинъ ошибочно думалъ, что такое раздѣленіе древнеславянскаго языка произошло только вслѣдствіе перевода Св. Писанія. „Авторы или переводчики нашихъ духовныхъ книгъ", говоритъ онъ, „образовали языкъ ихъ совершенно по Греческому, наставили вездѣ *предлоговъ*, растянули, соединили многія слова, и сею *химическою операціею* измѣнили первобытную чистоту древняго Славянскаго". До сихъ поръ не видно еще ложнаго пониманія, но къ этому прибавлено: „Слово о Полку Игоревѣ, драгоцѣнный остатокъ *его*" (то-есть того же древняго славянскаго) „доказываетъ, что *онъ* былъ весьма отличенъ отъ языка нашихъ церковныхъ книгъ" [3]). Какъ бы ни было, Карамзинъ, а за нимъ и его послѣдователи очень хорошо понимали, что церковно-славянскій и русскій разные, хотя и имѣвшіе общее происхожденіе, языки. Смѣшеніе ихъ Дашковъ называлъ *мнимымъ славяноросссійскимъ языкомъ* [4]); Карамзинъ находилъ этотъ языкъ въ переводахъ Елагина и велъ отъ нихъ до своего времени особый періодъ русской прозы. Макаровъ прямо отвергалъ надобность церковно-славянской стихіи даже въ высокомъ слогѣ: „Высокій слогъ", говорилъ онъ, „долженъ отличаться не словами или фразами, но содержаніемъ, мыслями, чувствованіями, картинами, цвѣтами поэзіи" [5]).

---

1) *Аглая*. I, 16, 55, 62; II, 64.

2) *Вѣстн. Евр.* 1803, № 8: «О вѣрномъ способѣ имѣть учителей», стр. 326.— Въ дополненіе къ этому см. въ Приложеніи VI (стр. 75) еще образчики карамзинскаго языка.

3) *Вѣстн. Евр.* 1803, № 13: «О русской грамматикѣ Француза Модрю».

4) *Легчайшій способъ*, стр. 3.

5) *Моск. Меркурій*, дек. 1803, стр. 181.

Само собою разумѣется впрочемъ, что это мнѣніе не могло быть осуществлено во всей своей крайности, по тѣсному племенному родству и историческому сочетанію обоихъ языковъ. Въ прозѣ высшаго настроенія, у самого Карамзина, славянская стихія никогда не исчезаетъ вполнѣ, и какъ она ни слаба уже въ началѣ его поприща, но въ болѣе раннихъ трудахъ его есть еще такія черты ея, которыя лишь въ послѣдствіи пропадаютъ (напримѣръ: форма „осьмой на десять" вѣкъ, окончаніе *ыя* въ родительномъ падежѣ прилагательныхъ женскаго рода). Задача состояла только въ вѣрномъ проведеніи границы, до которой эта стихія можетъ быть допущена. Удаляя изъ своихъ сочиненій устарѣлыя слова, Карамзинъ еще въ *Московскомъ Журналѣ* порицалъ ихъ, когда они встрѣчались ему у другихъ писателей (доказательство, что исключеніе изъ языка церковно-славянской примѣси не совершилось задолго до Карамзина). Такъ, онъ охуждалъ слова: *учинить*, *изрядство*, *обращенія* (во множественномъ числѣ) и мн. др. Такъ, онъ съ самаго начала перестал употреблять въ прежнемъ смыслѣ слова: *изрядный* (вм. превосходный), *подлый* [1]) (вм. низкій по происхожденію), а въ послѣдствіи и *довольный* (вм. *достаточный*), *упражняться*, *упражненіе* (вм. заниматься, занятіе). Это было, конечно, дѣломъ отрицательнымъ, но оно имѣло свою великую важность для слога, а притомъ сопровождалось и положительною замѣною такихъ словъ другими, болѣе точными или болѣе соотвѣтствовавшими духу новаго времени. Уже тогда Карамзинъ охуждалъ также (хотя еще только въ комедіяхъ) употребленіе мѣстоименій *сей* и *оный* [2]).

2) Введеніе иностранныхъ словъ для новыхъ понятій. „Нѣкоторыя чужестранныя слова", объяснялъ Макаровъ, „совершенно необходимы; лишь только не должно пестрить языка безъ крайней осторожности. Взять слово приличное (Французское, Арабское, Нѣмецкое, какое угодно) весьма хорошо; а неприличное весьма дурно.... Потерять щастливую мысль, или выразить ее слабо, для нѣкоторой чистоты языка, будетъ непростительное педантство" [3]). Впрочемъ, Карамзинъ никогда не позволялъ себѣ необдуманнаго излишества въ употребленіи иностранныхъ словъ. Правда, что въ первыхъ его сочиненіяхъ они попадаются чаще нежели въ позднѣйшихъ, и даже въ первоначальныхъ ихъ из-

---

[1]) Слово *подлый* въ этомъ значеніи встрѣчается еще во время *Моск. Журнала*. Такъ, въ изданіи *Дѣло отъ бездѣлья* 1792 г. (ч. I, стр. 95) говорится: «...пѣвцовъ, которые знакомы ученому свѣту, а болѣе *подлому* народу».

[2]) *Моск. Журн.*, ч. I, стр. 357.

[3]) *Моск. Меркурій*, дек., стр. 166.

даніяхъ чаще нежели въ послѣдующихъ, однакожъ уже въ *Московскомъ Журналѣ* Карамзинъ одобрялъ счастливый *переводъ* научныхъ терминовъ; слѣдовательно, онъ не былъ противъ развитія языка путемъ образованія новыхъ словъ отъ собственныхъ его корней. Такъ, разбирая переводъ Естественной Исторіи Бюффона, сдѣланный Румовскимъ и Лепехинымъ, онъ замѣтилъ: „Самыя труднѣйшія физическія слова перевели они въ сей части весьма удачно“ [1]). Но при этомъ онъ, разумѣется, требовалъ точности, и потому, похваливъ вообще счастливую попытку переводчиковъ, онъ указалъ нѣкоторыя слова, которыя, по его мнѣнію, „могли быть иначе переведены“; именно ему не понравилось, что они перевели: jurisconsultes *правовѣдцы*, classes *статьи*, ordres *семейства*, minéraux *ископаемыя*, subdivision *подраздѣленіе*. Разсматривая подробно каждое изъ этихъ словъ, онъ между прочимъ говоритъ: „Я не знаю, для чего бы minéraux не назвать минералами; сіе слово извѣстно всѣмъ тѣмъ, которые и никакихъ иностранныхъ языковъ не знаютъ. Названіе *ископаемыя* скорѣе могло бы означать fossiles, *фоссиліи*, слово не столь уже извѣстное въ Рускомъ языкѣ, какъ минералы. Какъ же мы будемъ переводить eaux minérales? Къ тому же минералы лежатъ и на поверхности земли: слѣдственно ископаемость не есть общій отличительный характеръ ихъ. Что принадлежитъ до *подраздѣленія*, то Рускому трудно понять, какъ можно что нибудь *подраздѣлять*: не лучше ли было бы сказать, вмѣсто *подраздѣленія*, *передѣленіе*?“ [2]). Послѣдній вопросъ время рѣшило противъ Карамзина. Тѣмъ не менѣе эти строки замѣчательны, показывая, какъ онъ вообще вдумывался въ значеніе словъ и какъ смотрѣлъ на замѣну иностранныхъ названій русскими, которую въ принципѣ одобрялъ: мы видимъ отсюда, что и чужеязычныя слова допускалъ онъ не безъ разбора, требуя, между прочимъ, чтобъ они не слишкомъ поражали слухъ своею новизною. Иногда онъ предпочиталъ иностранное слово, потому что оно опредѣленнѣе русскаго; такъ, въ одной рецензіи онъ спрашиваетъ, зачѣмъ не сказано *публичный* вмѣсто *всенародный* [3]). Нѣкоторыя французскія слова, встрѣчающіяся у прежнихъ писателей, отвергнуты имъ, напримѣръ *резонъ*, *эстима*, *консидерація*, *универсальная апробація*, употреблявшіяся Фонъ-Визинымъ. Въ Письмахъ Русскаго Путешественника онъ постоянно пишетъ *приборы* вмѣсто *мебель*, слово, только въ позднѣйшіе годы принятое имъ во фран-

---

[1]) *Москов. Журн.*, ч. I, стр. 242.

[2]) *Москов. Журн.*, стр. 246.

[3]) *Москов. Журн.*, ч. IV, стр. 111.

цузской формѣ (*мёбли*, множ. ч.); тамъ же вмѣсто *меблированный* онъ пишетъ *прибранный*. Многихъ иностранныхъ словъ, въ послѣдствіи вторгнувшихся въ языкъ, Карамзинъ вовсе не допускалъ. Такъ вмѣсто полюбившагося въ наше время *факта* онъ иногда употреблялъ *случай;* напримѣръ, въ статьѣ *О тайной канцеляріи:* „.... могъ ли г. Шлецеръ не усомниться въ истинѣ такого случая (fait)?" [1]). Слова: *моральный, интересный, натура* (которое онъ употреблялъ попремѣнно съ словомъ „природа", по кажется, отличалъ въ каждомъ особые оттѣнки) и многія другія въ послѣдствіи замѣнялись у него русскими: *нравственный, любопытный, занимательный для любопытства* и т. п. Изъ всѣхъ обвиненій Шишкова упрекъ въ употребленіи французскихъ словъ наиболѣе подходилъ къ истинѣ: Карамзинъ принялъ его къ свѣдѣнію, и на сколько было возможно, исправился отъ этого недостатка. Галлицизмы, въ которыхъ его укоряли, состояли почти исключительно въ отдѣльныхъ словахъ.

3) Сообщеніе прежнимъ словамъ новаго значенія. Эту сторону обращенія Карамзина съ языкомъ лучше всего объяснилъ самъ Шишковъ, указавъ въ его сочиненіяхъ новое употребленіе словъ *потребность* и *развитіе.* Вмѣстѣ съ первымъ изъ нихъ онъ осудилъ и цѣлое выраженіе, которое показалось ему нерусскимъ: „путешествіе сдѣлалось потребностію души моей". Что касается до слова *развитіе,* то въ тогдашнемъ академическомъ словарѣ его нѣтъ вовсе, а есть только глаголъ *развиваю* и причастіе *развитый* въ собственномъ, чисто вещественномъ смыслѣ [2]). Примѣровъ употребленія извѣстныхъ словъ въ новомъ, распространенномъ или болѣе опредѣленномъ значеніи можно найдти у него не мало. Такъ онъ вводитъ слово *образъ* въ примѣненіи къ поэзіи; называетъ situations въ драмѣ *положеніями,* Flickwort (cheville) *подставнымъ словомъ;* говоритъ о *выработанномъ* слогѣ и языкѣ; находитъ, что лучше сказать: „всѣ части учености *обработываются,* нежели *воздѣлываются*" [3]). Онъ же первый употребляетъ во множественномъ числѣ слово *вкусъ* [4]), которое Шишковъ такъ пре-

---

[1]) *Вѣстн. Евр.* 1803, № 6, стр. 123. Ср. тамъ же стр. 229: «они сохранили нить случаевъ».

[2]) «Свернутое что въ клубъ развертываю, раскатываю; свитое, заплетенное, закрученное, вертя въ противную сторону, разнимаю, раскручиваю, разсучиваю, расплетаю»; — «раскрученный, расплетенный, разсученный, распустившійся». (*Слов. Ак. Рос.* ч. I. Спб. 1789).

[3]) *Москов. Журн.* ч. VI, стр. 232, 41; II, 209; VIII, 336; VI, 177; III, 222.

[4]) *Аглая* I, стр. 11: «одинакіе вкусы».

слѣдовалъ „въ смыслѣ разборчивости“, потому что наши предки, вмѣсто *имѣть вкусъ*, говорили *толкъ вѣдать*, *силу знать*.

4) Составленіе новыхъ словъ. Насильственное составленіе новыхъ словъ было не согласно съ характеромъ всего существа Карамзина и могло бы только мѣшать тому дѣйствію, какое онъ стремился сообщить своей рѣчи. Поэтому естественно, что новыя, имъ составленныя слова встрѣчаются у него рѣдко, и наиболѣе смѣлыя изъ нихъ сопровождаются оговоркой. Таковы употребленныя имъ въ Письмахъ Русскаго Путешественника *промышленность* [1]) и *достижимая* [2]) цѣль; кромѣ того онъ тамъ же замѣтилъ, что *тротуары* можно по-русски назвать ***намостами*** [3]).

Какъ смотрѣлъ онъ на творчество въ языкѣ, на „непосредственное обогащеніе“ его, видно изъ собственнаго размышленія его объ изобрѣтеніи словъ. „Они“, говоритъ онъ въ своей академической рѣчи, „раждаются вмѣстѣ съ мыслями или въ употребленіи языка, или въ произведеніяхъ таланта, какъ счастливое вдохновеніе. Сіи новыя, мыслію одушевленныя слова входятъ въ языкъ самовластно“ [4]). Чѣмъ безыскуственнѣе новосоставленное слово, чѣмъ оно сообразнѣе съ прежними, чѣмъ менѣе бросается въ глаза, тѣмъ легче оно входитъ въ языкъ и тѣмъ прочнѣе въ немъ утверждается. У Карамзина разсѣяно много новыхъ или, по крайней мѣрѣ, до него не установившихся словъ этого рода, изъ которыхъ одни по простотѣ своей остались незамѣченными и не попали въ словари, какъ напр., *общественность*, *младенчественный*, *всемѣстный* (вм. повсемѣстный), *всетворящій*, *отъемлемый*, *живодѣтельный* [5]) (вм. животворшій); другія сдѣлались общимъ достояніемъ, напримѣръ, *усовершенствовать* [6]), *человѣчный* [7]), *общеполезный* [8]). Для выраженія множества понятій Карамзинъ рано

[1]) *Москов. Журн.*, ч. III, стр. 298, съ выноскою: «Не можетъ ли сіе слово означать латинскаго industria, или французскаго industrie?» (Соч. Кар. т. II, стр. 168). Вспомнимъ, что уже существовали и были употребительны слова: *промыслъ*, *промышлять*, *промышлёный*, *промышленѝкъ* (послѣднее соотвѣтствовало старинному *промысленникъ*). См. *Словарь Росс. Ак.*

[2]) «То-есть, до которой достигнуть можно; я осмѣлился по аналогіи употребить это слово». (Соч. Кар. т. II, стр. 244).

[3]) Тамъ же, стр. 680.

[4]) Соч. Кар., т. III, стр. 644.

[5]) *Аглая* I, стр. 38, 44; II, 65, 86, 90.

[6]) Тамъ же, стр. 88.

[7]) См. выше переводъ изъ Лафатера.

[8]) *Вѣстн. Евр.* 1803, № 8, «О вѣрномъ способѣ имѣть учителей».

почувствовалъ недостаточность существующаго запаса словъ русскаго языка, и еще во время своего путешествія, намѣреваясь переводить книгу Боннета, говорилъ въ письмѣ къ автору ея о необходимости составлять при томъ, по примѣру Нѣмцевъ, новыя слова [1]). Мы уже видѣли опытъ исполненія такой мысли надъ замѣткой Лафатера. И въ послѣдующихъ переводахъ Карамзина встрѣчаются слова частью новыя, подобныя выписаннымъ, частью прежнія, но съ новыми оттѣнками значенія или въ новомъ примѣненіи, при чемъ онъ иногда ставитъ въ скобкахъ подлинное слово. Примѣры послѣдняго случая были уже приведены выше; можно прибавить къ нимъ еще нѣсколько: *общія положенія* (въ законодательствѣ, dispositions générales), *отношенія* (rapports [2]), *тонкости*, *отвлеченія* и др.

Таковы были неологизмы Карамзина до Исторіи Государства Россійскаго, въ которой онъ, какъ извѣстно, сталъ болѣе и болѣе оживлять свое изложеніе словами, заимствованными изъ лѣтописей. При всей осмотрительности въ первыхъ своихъ сочиненіяхъ, онъ однакоже далъ значительный толчокъ лексическому развитію и обогащенію языка, и Шишковъ въ своемъ *Разсужденіи* съ досадою замѣтилъ: „Академическій Словарь нашъ хотя и недавно сочиненъ, однако послѣ того уже такое множество новыхъ словъ надѣлано, что онъ становится обветшалою книгою, не содержащею въ себѣ новаго языка“ [3]). Положимъ, что между вновь появившимися словами было большое число неудачно скованныхъ подражателями Карамзина и потому непрочныхъ; однако жалоба Шишкова, какъ и прежде уже произнесенная Подшиваловымъ (см. выше, стр. 38 и 40), показываетъ, какъ сильно было движеніе, возбужденное въ литературѣ примѣромъ Русскаго Путешественника.

Въ началѣ настоящей статьи были приведены отзывы трехъ свидѣтелей этого движенія о значеніи Карамзина въ исторіи нашей письменной рѣчи. Для дополненія данныхъ къ сужденію по этому предмету припомнимъ показанія двухъ близкихъ къ Карамзину лицъ. Дашковъ, не называя его, говоритъ однакоже съ явною о немъ мыслію: „Языкъ можетъ образоваться не словами, но твореніями хорошихъ писателей, которые даютъ словамъ *новый вѣсъ* и *значеніе*, *опредѣляютъ просодію* языка “(то-есть, теченіе рѣчи) „и обогащаютъ оный множествомъ

---

[1]) Соч. Кар., т. II, стр. 345. (*Моск. Журн.*, ч. VI, стр. 350).

[2]) *В. Е.* 1802, № 2, стр. 83. № 3, стр. 71.

[3]) *Разсужд.* стр. 69. — Всѣ ссылки на эту книгу здѣсь по изданію 1818 г., согласному впрочемъ, за исключеніемъ предисловія, съ изд. 1803.

выраженій и *оборотовъ*, служащихъ къ изображенію новыхъ понятій, извѣстныхъ однимъ просвѣщеннымъ народамъ" [1]). Еще гораздо важнѣе однородное свидѣтельство Дмитріева. Раздѣливъ исторію нашего книжнаго языка на два періода, онъ считаетъ началомъ втораго изъ нихъ послѣднее десятилѣтіе царствованія Екатерины II. Къ ученикамъ Ломоносова относитъ онъ между прочими Елагина и Фонъ-Визина, которые, по словамъ Дмитріева, „захотѣли сами быть начальниками школы. Первый обратился къ *славянчизнѣ*;... другой, хотя и съ бо́льшимъ вкусомъ, полагалъ, будто въ высокомъ слогѣ надлежитъ мѣшать русскія слова съ славянскими и для благозвучія наблюдать нѣкоторый размѣръ, называемый у Французовъ *кадансированною прозою*.... Послѣдователи ихъ захотѣли перещеголять своихъ учителей, и уже начали еще болѣе употреблять славянскія реченія и обороты [2]). ....Въ такомъ состояніи", продолжаетъ Дмитріевъ, „находилась наша словесность, когда Карамзинъ,... возвратясь изъ Парижа и Лондона, выступилъ на авторское поприще. *Обдуманная система уже предшествовала его начину:* вникая въ свойства языка и въ тогдашній механизмъ нашего слога, онъ находилъ въ послѣднемъ какую-то нестроту, неопредѣлительность и вялость или запутанность, происходящія отъ раболѣпнаго подражанія синтаксису не только славянскаго, но и другихъ, древнихъ и новыхъ, европейскихъ языковъ, и по *зрѣломъ размышленіи пошелъ своей дорогой* и началъ писать языкомъ, подходящимъ къ *разговорному образованнаго общества* семидесятыхъ годовъ, когда еще родители съ дѣтьми, Русскій съ Русскимъ не стыдились говорить на природномъ своемъ языкѣ [3]); въ составленіи частей періода употреблять возможную сжатость и притомъ воздерживаться отъ частыхъ союзовъ и мѣстоименій: *который* и *которыхъ* [4]), а въ добавокъ еще и *коихъ*, наконецъ наблюдать естественный порядокъ въ словорасположеніи.... Съ того времени такъ-называемый высокій, полуславянскій слогъ и растянутый, вялый средняго рода, стали мало

---

[1]) *Легч. способъ*, стр. 60.

[2]) Здѣсь Дмитріевъ называетъ нѣсколько переводчиковъ (см. выше, стр. 31).

[3]) На этомъ же самомъ основаніи и Подшиваловъ въ своемъ *Курсѣ росс. слога* говоритъ, что свойства русскаго языка «можно болѣе примѣтить изъ *обращенія съ людьми не знающими кромѣ Рускаго никакого другаго языка*» (*Сокращ. курсъ русск. слов.*, стр. 28).

[4]) Точно такъ же Подшиваловъ совѣтуетъ «не избѣгать употребленія причастій, которыя болѣе Россійскому языку свойственны, нежели безпрестанное: который, который» (тамъ же, стр. 52, 53).

по малу выходить изъ употребленія" [1]). Присоединимъ къ этому еще признанія молодыхъ писателей начала нынѣшняго вѣка (особенно Макарова и Дашкова), которые, разумно слѣдуя тѣмъ же указаніямъ и содѣйствуя къ утвержденію *новаго слога*, открыто провозглашали Карамзина своимъ учителемъ.

Изслѣдованіе привело насъ къ заключеніямъ, сходнымъ съ показаніями современниковъ Карамзина. Сущность этихъ заключеній можетъ быть представлена въ слѣдующихъ общихъ и краткихъ выводахъ:

Карамзинъ былъ не доволенъ языкомъ, который онъ засталъ въ литературѣ, приступая къ самостоятельной дѣятельности.

Онъ захотѣлъ писать иначе.

Онъ захотѣлъ писать такъ же „пріятно", то-есть, сообразно съ здравымъ вкусомъ, изящно, какъ пишутъ лучшіе иностранные авторы.

Для этого онъ принялъ въ руководство не французскій или англійскій синтаксисъ [2]), а русскій разговорный языкъ, развивая и обогащая его по возможности изъ собственныхъ его началъ, но въ случаѣ надобности заимствуя изъ другихъ языковъ отдѣльныя слова, иногда же и обороты, не противные духу русскаго языка.

Устранивъ господствовавшее прежде словосочиненіе съ частыми славянизмами, онъ отбросилъ также все шероховатое, грубое, устарѣлое.

Новый, такимъ образомъ, по своему строю, а отчасти и по составу языкъ его былъ новъ также по своей строгой правильности логической и грамматической, по точности и опредѣленности словъ и выраженій, по установленію твердыхъ началъ въ словоуправленіи [3]).

Сверхъ того и слогъ Карамзина былъ новъ по своей пластичности, по богатству образовъ и живописи выраженій, въ которыхъ слова являлись въ новой связи, въ новыхъ, счастливыхъ сочетаніяхъ.

Такъ возникла въ первый разъ на русскомъ языкѣ проза ровная,

---

[1]) *Взглядъ на мою жизнь*, стр. 86.

[2]) Уже одинъ изъ критиковъ Шишкова опровергалъ его мнѣніе, будто новые писатели начали *вновь созидать* русскій языкъ *на скудномъ основаніи французскаго*: «Я всегда думалъ», говоритъ этотъ критикъ, «что лучшіе наши писатели и переводчики заимствуютъ изъ французскаго и другихъ языковъ только нѣкоторыя слова и выраженія» и проч. (*Сѣв. Вѣстникъ* 1804. ч. I, стр. 19).

[3]) Въ послѣднемъ отношеніи замѣчательна, напримѣръ, по внимательности къ требованіямъ языка, фраза Карамзина: «слѣдовалъ ихъ *волѣ* и *за* ихъ *знаменами*» (*Вѣстн. Евр.* 1803, № 5: «О новомъ образованіи народнаго просвѣщенія въ Россіи»).

чистая, блестящая и музыкальная, въ выразительности и изяществѣ не уступавшая прозѣ самыхъ богатыхъ литературъ Европы.

Эта проза имѣла еще свои недостатки; иногда ей вредила нѣкоторая искусственность, имѣвшая цѣлію удовлетворить особеннымъ, своенравнымъ требованіямъ слуха. И замѣчательно, что такой недостатокъ развился наиболѣе въ послѣдній и самый важный періодъ дѣятельности Карамзина. Высшей степени простоты и естественности проза его достигла въ *Вѣстникѣ Европы* (если исключить „Мароу Посадницу").

Карамзинъ далъ русскому литературному языку рѣшительное направленіе, въ которомъ онъ еще и нынѣ продолжаетъ развиваться.

Я. Гротъ.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

I. (Къ стр. 26).

Отрывки изъ рѣчей, произнесенныхъ профессорами Московскаго университета (съ 1787 по 1805 годъ).

1. Изъ „Слова похвальнаго Екатеринѣ Второй", Зыбелина, произнесеннаго при окончаніи 25-тилѣтія ея царствованія, 30-го іюня 1787 года:

„Хочу упомянуть о томъ, что легко бы, хотя и не простительно, упустить было можно. Какъ пріобыкшіе къ истекающимъ всегда отъ солнца благодѣяніямъ, едва или рѣдко оныя воспоминаютъ, хотя и главное вся природа отъ него получаетъ оживленіе: равнымъ образомъ милосердіе Всемилостивѣйшей нашей Монархинѣ толь есть свойственно и толь всѣмъ намъ оное извѣстно и обыкновенно, что во множествѣ щедротъ, безпрестанно изливаемыхъ, какъ въ обыкновеніе вшедшее, древнее и самопервѣйшее двадцатипятилѣтняго благополучнаго ея царствованія благодѣяніе, могло бы изъ памяти выттти; но благодарность многихъ тысящей обязанныхъ, наполняющая безпрестанно всѣхъ слухъ, заставляетъ чувствительное сердце провозвѣстить, или по крайней мѣрѣ повторить, какъ первой знакъ чадолюбивой матери сіе ея милосердіе, разумѣю, вѣрно служившимъ благодѣтельное по жизнь содержаніе и награжденіе" (Рѣчи профессоровъ Москов. унив., ч. I, стр. 145).

2. Изъ Слова Страхова „О вліяніи наукъ въ общее и каждаго человѣка благоденствіе", произнесеннаго 30-го іюня 1788 года:

„Торжественное воспоминаніе знаменитыхъ происшествій тѣмъ живѣйшею радостію и усердіемъ наполняетъ сердца празднующихъ, чѣмъ большихъ благъ оныя учинились причиною. Съ какимъ же чувствіемъ радости, усердія и благодарности ко Всевышнему долженствуютъ всѣ сыны отечества торжествовать благословенный день восшествія на Всероссійскій Престолъ Всеавгу-

стѣйшія нашея Монархини! ибо коликих благъ источникомъ для Россіи учинилось сіе важное и во вѣки незабвенное происшествіе! Коль великія и неизреченныя милости всещедрая Десница Творца изліяла на насъ, оправдавъ царствовати надъ нами Великую Екатерину"! (Тамъ же, ч. II, стр. 228).

3. Изъ Слова Брянцева „О связи вещей во вселенной", произнесеннаго 30-го іюня 1790 года:

„Естьли, по мнѣнію общему, Государи, получившіе отъ Бога величество, власть и силу, суть на земли изображеніемъ Божества, благодѣянія свои человѣческому роду священными ихъ дланьми подающаго: то въ такомъ случаѣ всѣ ихъ дѣйствія нераздѣльнымъ соединены союзомъ съ пользою ввѣренныхъ имъ народовъ; и естьли отъ нападенія внѣшнихъ враговъ преоруженіе мужествомъ и силою, для безопасности отъ сограждан огражденіе законами и правосудіемъ, для изгнанія невѣжества распространеніе знаній клонятся къ единой цѣли, т. е. къ благосостоянію общества: то въ дѣлахъ Государей, къ единому концу стремящихся, не ясно ли усматриваемъ взаимную связь? Чего для всеподданнѣйше свидѣтельствуя нашу благодарность Августѣйшей Монархинѣ и мыслями нашими благопримѣняясь къ связи, въ дѣйствіяхъ Ея находящейся, торжествующему нынѣ съ нами собранію намѣренъ я въ посильномъ разсужденіи предложить о *связи вещей во вселенной*" (Тамъ же, ч. III, стр. 17).

4. Изъ Слова Чеботарева, произнесеннаго въ 1800 году по случаю кончины И. И. Шувалова:

„... И потому, не возносясь дерзновенно выше сферы нашей и не касаясь тѣхъ отличныхъ добротъ, тѣхъ высокихъ министерскихъ, да тако скажу, и государственныхъ свойствъ патріотическаго духа,—которыя даровали Меценату нашему то, чего и самая превратность щастія похитить у него была не въ силахъ;—которыя въ теченіи цѣлаго полувѣка сохранили къ нему благоволеніе четырехъ великихъ нашихъ Государей;—которыя и проч." ... „но оставляя все сіе, яко нѣчто великое и кругу нашихъ свѣдѣній несоразмѣрное,—ограничу себя, Слушатели, тѣмъ, что мѣсту сему приличнѣе, что намъ и всякому благомыслящему любезнѣе;—ограничу себя, при открытіи печальной сей бесѣды, простымъ и *краткимъ показаніемъ* тѣхъ только *отличительныхъ добротъ нашего Мецената* и тѣхъ услугъ его къ отечеству,—которыя въ лѣтописяхъ Рускихъ, предавъ имя *Шувалова* безсмертію, за любовь его къ Наукамъ, за ободреніе и распространеніе ихъ въ отечествѣ нашемъ, память его содѣлаютъ любезною во всѣ грядущіе роды, доколѣ слава Россіи, слава Мудрыхъ, Человѣколюбивыхъ ея Монарховъ,—и слава самихъ Наукъ пребудутъ въ подсолнечной (Тамъ же, ч. I, стр. 332).

5. Изъ Слова Сохацкаго „На полувѣковой юбилей Московскаго университета", произнесеннаго 30-го іюня 1805 года:

„Но и гдѣ жъ—скажите! гдѣ есть толико великодушныя, несравненныя, истинно царственныя способствованія народному просвѣщенію, какъ въ высокомъ примѣрѣ зиждущихъ благоденствіе Россіи мудрыхъ ея и благопромыслительныхъ Государей? Благословенны будутъ сердцами Россовъ священныя имена Ихъ навѣки!...

„Радостотворныя мысли и чувствованія!...

„Здѣсь, погрузясь въ глубокомъ безмолвіи, надлежало бы совсѣмъ остановиться, и исчисляя мысленно спасительныя отъ того послѣдствія, предаться всею душею пріятнымъ и неизъяснимымъ чувствіямъ сердечной благодарности, заключить предъ вами, Почтеннѣйшіе Слушатели, краткое сіе, по приличію торжества нашего, изображеніе.

„Но се! Геній-Покровитель Наукъ, коего именемъ вся Европа и цѣлый свѣтъ гордится, предъ коимъ осчастливленная Россія съ восхищеніемъ благоговѣетъ;—се! Великій въ чистой, небесной добротѣ своей Александръ I, о семъ торжествующемъ университетѣ, въ сей самый вѣчно достопамятный годъ, въ Высочайше дарованной Грамотѣ являетъ отъ Престола свѣту и потомству несказанное Монаршее благоволеніе", и проч. (Тамъ же, ч. III, стр. 92).

II. (Къ стр. 31).

Замѣчанія Карамзина о языкѣ, изъ разборовъ его, помѣщенныхъ въ Московскомъ Журналѣ (1791 и 1792 годовъ).

1. Изъ разбора комедіи *Оптимистъ*.

„Что принадлежитъ до перевода піесы, то онъ чистъ и гладокъ. Только немногія выраженія покритиковать можно. Напримѣръ: *Естьли бы я захотѣлъ къ слову прицѣпиться, я бы больно его этимъ убилъ.* Прицѣпкою людей не убиваютъ; а это еще говоритъ оптимистъ, который вообще такъ краснорѣчивъ!— *Кажется, чувствую какъ бы новую сладость жизни*, говоритъ Извѣда; но говорятъ ли такъ молодыя женщины? *Какъ бы* здѣсь очень противно.

„*Я имѣлъ съ собою Руссо.* Это слишкомъ по-французски. „*Какъ безстрашно онъ вдавался въ огонь!* Въ огонь можно броситься, а *вдаваться* въ него такъ же нельзя, какъ и въ воду. — „*Человѣкъ при самомъ уже рожденіи плачетъ и производитъ вопли.* Производить вопли! — „*Оно* (воспоминаніе) *ничего произвесть не можетъ, развѣ учинитъ навсегда меня нещастною.* Здѣсь и галлицизмъ и славянизмъ вмѣстѣ. Любезная Премила, которая это говоритъ, перевела съ Французскаго: il ne fera que; а *развѣ*—въ томъ смыслѣ, въ какомъ это слово здѣсь употреблено—и *учинить*, вмѣсто сдѣлать, нельзя сказать въ разговорѣ, а особливо молодой дѣвицѣ. —*Я буду жить*, говоритъ Зланѣтъ, *посреди милой жены и моей дочери*. Лучше бы было сказать: „я буду жить съ милою моею женою и дочерью",—а то здѣсь сообщается какая-то нехорошая идея.—Я сказалъ все то, что замѣтилъ. Естьли бы переводъ вообще не такъ хорошъ былъ, кто бы захотѣлъ имъ заниматься"?

Тамъ же о содержаніи: „Тутъ также видно что-то не Руское"; далѣе о неестественности названій Зланѣтъ, Буремыслъ, Милоумъ и проч. и о необходимости ввести въ комедію имена и отчества (*Московскій журналъ*, ч. I, стр. 232—235).

2. Изъ разбора перевода *Краткой исторіи королевской шведской фамиліи:*

„Что касается до перевода, то для иностранца былъ бы онъ довольно хорошъ; а Рускому, казалось бы, нельзя было написать: „У Петерсберга

раззорены были Баннеромъ 12 полковъ", или: „Крѣпость, которая стоила Императору *столько тысячи* людей" или: „На Нѣмецкой колокольнѣ *учреждены были куранты*" (Тамъ же, ч. II, стр. 84).

3. Изъ разбора перевода *Генріады*.

„Здѣсь надобно не только выразить мысли Поэтовы, но и выразить ихъ съ такою же точностію, съ такою же чистотою и пріятностію, какъ въ подлинникѣ; иначе поэма потеряетъ почти всю свою цѣну. Но какія препятствія надобно преодолѣть переводчику! Кромѣ нѣкоторой *негибкости* нашего языка, мѣра и риѳма составляютъ такую трудность, которую едва ли бы и самъ Вольтеръ, переродясь въ Рускаго, преодолѣть могъ... 2-й переводъ сей поэмы (такъ же какъ и 1-й, *вышедшій* за нѣсколько лѣтъ передъ симъ въ Петербургѣ) ни мало не опровергаетъ моего мнѣнія. Читатель позволитъ мнѣ привести нѣкоторыя мѣста изъ онаго и сравнить ихъ съ подлинникомъ".

Выписавъ начало подлинника, Карамзинъ приводитъ и первые шесть стиховъ перевода:

Пою Героя, кто, разрушивши коварство,
Оружіемъ досталъ Французско государство;
Кто долго странствуя межъ сопротивныхъ силъ,
Наслѣдіе свое чрезъ храбрость получилъ,
Злыхъ возмутителей Испанцевъ былъ гонитель,
Сталъ подданныхъ своихъ отецъ и покровитель.

Затѣмъ онъ продолжаетъ:

„Число стиховъ то же; но есть ли въ переводѣ гладкость, опредѣленность, пріятность, сила оригинала? — Въ первомъ полустишіи, вмѣсто *кто*, надлежало бы, по Грамматикѣ, употребить возносительное мѣстоименіе *которой*. — Откуда зашло въ первый стихъ *коварство?* Въ оригиналѣ его нѣтъ. Да и можно ли *разрушить коварство?* — Второй стихъ таковъ, что иной не захочетъ уже и читать далѣе. *Достать Французско государство!* Къ тому же здѣсь не выражено того, что Французская корона принадлежала Генрику и по праву наслѣдственности. Подъ *сопротивными силами* не льзя разумѣть ничего инаго, кромѣ непріятельскихъ войскъ; и такъ Генрикъ долго странствовалъ между непріятельскими войсками? Но Вольтеръ и не думалъ сказать сего. *Нещастія*, говоритъ онъ, научили его *царствовать*.... Confondit значитъ *постыдилъ*, а не *гналъ:* съ чего же въ пятомъ стихѣ перевода названъ Генрикъ гонителемъ, и притомъ Гишпанцевъ? Сего не узнаешь и тогда, когда всю поэму прочитаешь. Въ шестомъ стихѣ не выражено того, что король *побѣдилъ* своихъ подданныхъ, и *потомъ* сталъ ихъ отцемъ. *Покровитель* есть здѣсь ничто иное, какъ *подставное* слово (или, какъ Нѣмцы говорятъ, Flickwort), не сообщающее никакой новой идеи послѣ *отца*".

Сравнивъ еще нѣсколько мѣстъ въ подлинникѣ и въ переводѣ, Карамзинъ такъ заключаетъ:

„Конечно, во всякой пѣсни сей Руской Генріады можно найти нѣсколько хорошихъ стиховъ; но отъ переводчика такой Поэмы, какъ Генріада, требуется, чтобы онъ *все* перевелъ хорошо, или по крайней мѣрѣ *почти* все". (Тамъ же, ч. II, стр. 207—214).

4. Изъ разбора перевода *Неистоваго Роланда.*

....„Рецензентъ съ своей стороны *желаетъ* того, чтобы слогъ былъ въ нихъ (въ слѣдующихъ частяхъ) еще правильнѣе и чище, нежели въ первой, гдѣ по мѣстамъ встрѣчаются такія выраженія: „Онъ клялся, что *не иной какой* шишакъ будетъ прикрывать его голову, *какъ не тотъ*, которой Роландъ нѣкогда отнялъ“ и проч. „Графъ былъ *не меньше* учтивъ и человѣколюбивъ, *сколько* былъ храбръ“ и проч. „Въ слѣдствіе чего, дабы“ и проч. (Это слишкомъ по-приказному, и очень противно въ устахъ такой женщины, которая, по описанію Аріостову, была прекраснѣе Венеры). — „Она (т. е. Аріостова Комедія) изъ числа самыхъ вольныхъ Аристофановыхъ Комедій....“ (Естьли піеса Аріостова, то она не можетъ быть изъ числа Аристофановыхъ піесъ. Надлежало бы сказать: „Она принадлежитъ къ роду *такихъ-то* Комедій“ и проч.) Г. переводчикъ, конечно, не осердится на Рецензента за сіе *желаніе*“. (Тамъ же, ч. II, стр. 324, 325).

5. Изъ разбора перевода *Опыта о Швейцаріи.*

„Надлежало бы сказать не *обнаружить,* а *узнать* или *угадать* (склонности)“. Похваливъ вообще отрывокъ, къ которому относится это замѣчаніе, Карамзинъ говоритъ: „Но, къ сожалѣнію, не все такъ чисто и ясно. Нельзя на примѣръ похвалить слѣдующихъ мѣстъ: „Сіе увѣреніе *сильно было* другими *отвергнуто. Я много силился* узнать, правда ли сіе. — Всѣ части учености *воздѣлываются* тамъ съ успѣхомъ (Лучше бы было въ семъ смыслѣ сказать по-Руски *обработываются*). — Прогулки и забавы народа смѣшаны съ полезными *обращеніями; изрядство и чистота составляютъ предметъ самыхъ ученыхъ разсужденій* (Рѣчь идетъ о Женевѣ. Я жилъ въ семъ городѣ около шести мѣсяцевъ, а не понимаю, что хочетъ здѣсь сказать Г. Переводчикъ)“, и проч. (Тамъ же, ч. III, стр. 221, 222).

6. Изъ разбора перевода *Клариссы* Ричардсона.

„Всего труднѣе переводить романы, въ которыхъ слогъ составляетъ обыкновенно одно изъ главныхъ достоинствъ“....

Выписавъ начало перевода, Карамзинъ приводитъ нѣсколько отдѣльныхъ выраженій. „*Ни мало не сомнѣваешься въ томъ, какое участіе*, и проч., сказано не правильно; *какое* не можетъ отвѣчать *тому*. Надлежало бы сказать: „ты конечно не сомнѣваешься *въ томъ, что* я беру великое участіе. — .... *Безпокойства, возставшія въ твоемъ семействѣ.* Безпокойства ни *ложиться*, ни *возставать* не могутъ. — *Колико для тебя чувствительно* и проч. Дѣвушка, имѣющая вкусъ, не можетъ ни сказать, ни написать въ письмѣ *колико* [1]). Впрочемъ Г. Переводчикъ хотѣлъ здѣсь послѣдовать модѣ, введенной въ Рускойслогъ „голѣмыми претолковниками“ и проч. (см. выше, стр. 31). — *Отличившій себя отмѣнными дарованіями* и проч. *Отличить* и *отмѣнить* все одно. Если Кларисса *отличила* себя дарованіями, то онѣ конечно были уже *отмѣнны*. Къ тому же, во Французскомъ подлинникѣ (подлинникѣ въ разсужденіи Рускаго перевода) гово-

[1]) Ср. въ *Вѣстникѣ Европы* 1802 г., № 3, стр. 22:

«Понеже, въ силу, поелику,
Творятъ довольно въ свѣтѣ зла».

рится здѣсь не о *дарованіяхъ*, а о *свойствахъ* или *качествахъ* (qualités).—*Учинившейся предметомъ общаго почтенія* и проч. L'objet du soin public есть болѣе предметъ общаго *вниманія*, нежели *почтенія*. Въ простомъ слогѣ лучше сказать *сдѣлаться предметомъ* чего-нибудь, нежели *учиниться*.—*Узнать всѣ о томъ подробности* и проч. Подробности *чего-нибудь*, а не *о чемъ-нибудь*" и т. д. (Тамъ же, ч. IV, стр. 113).

III. (Къ стр. 35).

Крыловъ противъ Карамзина.

С.-Петербургскій Меркурій, по своему расположенію, пріемамъ и претензіямъ, представлялъ какъ будто сколокъ съ *Московскаго Журнала*, который только-что прекратился, когда Крыловъ и Клушинъ въ 1793 году предприняли свое новое изданіе.

Уже въ *предисловіи*, подписанномъ ими обоими и очень напоминающемъ *предувѣдомленіе* Карамзина, видна замашка поперечить ему, особенно въ слѣдующемъ заявленіи: „Сочиненія въ стихахъ и прозѣ, подражанія и переводы издателей будутъ печататься съ ихъ именами. Какая цѣль скромничать именемъ, ежели цѣль сочиненія не противна благонравію и не нарушаетъ ни чьего спокойствія?" Притомъ издатели, конечно, также не безъ намека, предупреждаютъ: „Наши замѣчанія, наши сужденія по сей части" (то-есть, по обѣщанной ими критикѣ *книгъ* и *театра*) „не есть сужденія *деспотическія*"; читатели уже видѣли, что и *Зритель* и *Росс. Магазинъ* обвиняли Карамзина въ безусловности его приговоровъ. Но прежде всего Крыловъ и Клушинъ выражаютъ притязаніе издавать журналъ, *подобный журналамъ иностраннымъ* и не похожій на большую часть русскихъ періодическихъ изданій, въ которыхъ „или мало, или совсѣмъ ничего нѣтъ свойственнаго журналамъ". Идея этой потребности и первый примѣръ удовлетворенія ея были поданы Карамзинымъ, и вотъ ими пользуются сами противники его. Въ числѣ неблаговолящихъ къ нему самъ Карамзинъ, въ письмахъ къ Дмитріеву (стр. 33), назвалъ Крылова, говоря о *Зритель*; но въ *Меркуріи* будущій баснописецъ и членъ шишковской *Бесѣды* еще гораздо прямѣе и рѣшительнѣе высказался противъ будущаго же исторіографа и идеала Арзамасцевъ. Подписанная именемъ Крылова „Похвальная Рѣчь Ермалафиду, говоренная въ собраніи молодыхъ писателей", явно содержитъ въ себѣ многія черты, которыя могутъ относиться только къ Карамзину. Главное достоинство Ермалафида [1]), выставляемое здѣсь на посмѣяніе, состоитъ въ томъ, что онъ не слѣдуетъ никакимъ правиламъ и не подражаетъ красотамъ прежнихъ писателей. Онъ начинаетъ свое поприще трагедіей, въ которой герои „превыше всѣхъ стра-

---

[1]) Это имя произведено отъ семинарскаго слова *ермолафія* (котораго нѣтъ еще въ нашихъ словаряхъ,—вѣроятно, искаженнаго греческаго *ирмологій*); оно означаетъ дребедень, многословную чепуху. См. въ IV томѣ академическаго изданія *Сочиненій* Державина, стр. 558, и объясненіе этого слова въ дополнительныхъ примѣчаніяхъ. Рѣчь Ермалафиду напечатана во II-й части *С.-Петербургскаго Меркурія* (апрѣль 1793 г.), стр. 26—55.

стей“. Естественно, что противники Карамзина должны были въ сочиненіяхъ его находить прежде всего отступленіе отъ правилъ (то есть, отъ рутины) и отъ старыхъ образцовъ. Что касается до трагедіи, написанной Ермалафидомъ, то подъ нею разумѣется переведенная Карамзинымъ Лессингова Эмилія Галотти. О драмѣ у Англичанъ и Нѣмцевъ и о драмѣ у Французовъ издатели *Меркурія* имѣли понятія совершенно противоположныя взгляду Карамзина. Въ 1-й же книжкѣ этого журнала напечатано „Разсужденіе объ Аглинской трагедіи, изъ сочиненій г. Волтера“ (стр. 66), при чемъ Клушинъ въ особомъ примѣчаніи называетъ нѣмецкія драматическія произведенія *безобразными выродками литературы, въ которыхъ нѣтъ никакихъ правилъ..., которые суть ни трагедіи, ни комедіи; гдѣ смѣшенъ плачь съ смѣхомъ безъ всякой нужды;* въ числѣ упоминаемыхъ имъ пьесъ этого рода не забыта и *Эмилія Галотти.* Кончаетъ онъ словами: „И есть люди, которые предпочитаютъ Нѣмецкія драмы Французскимъ.... Что думать о сихъ знатокахъ? Или, что они не знаютъ правилъ театральныхъ, какъ и того, что значитъ самая драма; или слѣпое имѣютъ пристрастіе къ Нѣмчизнѣ“. О дѣйствіи трагедіи Ермалафида Крыловъ замѣчаетъ между прочимъ: „Зрители не были возмущены ни страхомъ, ни жалостью, ни ненавистью.... и естьли бы глухому показать столь прекрасное зрѣлище, то бы конечно онъ подумалъ, что Греческіе мудрецы съ театра преподаютъ партеру курсъ Математики“. Не надобно забывать; что Карамзинъ въ *Московскомъ Журналѣ* (ч. I, стр. 62) помѣстилъ разборъ *Эмиліи Галотти* и что онъ перевелъ также Шекспирова *Юлія Кесаря.*—Разберемъ еще нѣкоторыя черты Ермалафида. „Великой духъ его не чувствовалъ себя отличнѣе привязаннымъ ни къ какому роду писанія. Онъ хотѣлъ писать все, и сдержалъ свое слово. Удивительная способность, Мм. Гг.! часто дописавъ до половины свое сочиненіе, онъ еще не зналъ ода или сатира это будетъ; но всего удивительнѣе, что и то и другое названіе было прилично; а можетъ быть и всѣ его сочиненія со временемъ воздвигнутъ между Академіями войну за споры, къ какому роду ихъ причислить“. Здѣсь Карамзинъ, вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими стихотворцами *Московскаго Журнала*, осуждается за несоблюденіе наружныхъ формъ различныхъ родовъ поэзіи, что въ то время было еще ново. Но этого мало: положивъ не слѣдовать никакимъ правиламъ, Ермалафидъ „вздумалъ свободные часы свои посвятить удовольствію Публики.... и для того то рѣшился онъ во всякое *новолуніе* разгружать на печатномъ станкѣ грузное судно своего воображенія — короче сказать: началъ журналъ.... Озабоченный намѣреніемъ просвѣтить Вселенную.... съ какою удивительною способностію пишетъ онъ прямо на бѣло сужденія, рѣшенія и опредѣленія о самыхъ важныхъ предмѣтахъ!... Критика такъ же получила себѣ новую пищу: одни говорили, что онъ проповѣдуя добродѣтель, однимъ своимъ слогомъ въ состояніи умножить число отступниковъ отъ добродѣтели; другіе кричали, что ежемѣсячныя его сочиненія, суть ежемѣсячныя вылазки противу безсонницы; но его это не устрашило“ и проч. Далѣе: „Пріятно было смотрѣть, Мм. Гг., съ какою непринужденною смѣлостію бранилъ онъ Мольера, Расина и Боало, никогда ихъ не читавъ; и съ какимъ равнодушіемъ смотрѣлъ трагедіи Корнелія“. Всѣ эти выходки, несомнѣнно, направлены на *Московскій Журналъ* съ его критикою; послѣднее замѣчаніе относится къ сужденіямъ, высказаннымъ въ разборѣ русскаго по-

дражанія *Сиду* Корнеля [1]). Здѣсь Карамзинъ, показавъ, что подлинная пьеса „имѣетъ пороки, и великіе пороки", выписываетъ отзывъ д'Аламберта о французскихъ трагедіяхъ вообще, кончающійся словами: „Потому-то нынѣ почти никто не бываетъ въ театрѣ, когда играютъ Корнелевы трагедіи, и очень не много, когда Расиновы представляютъ", и затѣмъ произноситъ свой собственный приговоръ французскимъ трагикамъ въ сравненіи съ Шекспиромъ. „Письма Русскаго Путешественника", въ которыхъ высказано подобное же мнѣніе объ этомъ предметѣ [2]), также задѣты въ похвальной рѣчи Крылова. Именно онъ говоритъ о Ермалафидѣ: „Онъ одинъ только въ состояніи съ такою легкостію кстатѣ о Гомерѣ, напомнить, что дрова дороги;—и, хваля Юнговы нощи, замѣтить, что Нѣмцы обуваются щеголеватѣе Французовъ". Вѣроятно, это намекъ на одно мѣсто „Писемъ" изъ южной Франціи, напечатанныхъ въ послѣдней книжкѣ *Московскаго Журнала* (декабрь 1792): послѣ разныхъ литературныхъ воспоминаній, въ которыхъ упомянуты имена Петрарки, Оссіана, Гомера и др., въ одномъ письмѣ встрѣчается такая замѣтка: „Но весьма не полюбились мнѣ деревянные башмаки французскихъ поселянъ, и я не понимаю, какъ они не натираютъ ими ногъ своихъ" [3]). Противъ Карамзина же направлена слѣдующая выходка похвальной рѣчи: „Я знаю — говоритъ Ермалафидъ — склады на многихъ языкахъ, но Россійскіе склады краснорѣчивѣе всѣхъ складовъ на свѣтѣ". Это относится къ одному мѣсту письма русскаго путешественника къ Боннету. Сбираясь переводить его Contemplation de la Nature, Карамзинъ говоритъ: „Надобно будетъ составлять или выдумывать новыя слова, подобно какъ составляли и выдумывали ихъ Нѣмцы, начавъ писать на собственномъ языкѣ своемъ; но отдавая справедливость сему послѣднему, котораго богатство и сила мнѣ извѣстны, скажу, что нашъ языкъ самъ по себѣ гораздо пріятнѣе" [4]).

Конечно, далеко не все въ Ермалафидѣ можетъ быть примѣнено къ Карамзину: иное относится къ другимъ; такъ, напримѣръ, подъ комедіей, написанной Ермалафидомъ послѣ трагедіи, разумѣется, вѣроятно, какое-нибудь современное подражаніе *Мельнику* Аблесимова, или *Сбитенщику* Княжнина: „На сценѣ появляется цѣлой народъ въ лаптяхъ, въ зипунахъ и въ шапкахъ съ заломомъ — въ парадизѣ раздались радостныя восклицанія" и т. д. [5]). Тѣмъ не менѣе, изъ всего вышеприведеннаго, кажется, ясно, что похвальное слово Ермалафиду есть въ особенности замаскированная аттака на Карамзина и на многочисленныхъ приверженцевъ, которыхъ уже доставилъ ему *Московскій Журналъ:* онъ иронически выставляется какъ образецъ „для подражанія молодымъ нашимъ собратіямъ, которые, имѣя великія способности,

---

[1]) *Моск. Журн.,* ч. III, стр. 84 и сл.

[2]) Тамъ же, ч. VIII, стр. 86.

[3]) *Моск. Журн.* ч. VIII, стр. 318.

[4]) Тамъ же, ч. VI, стр. 350.

[5]) Крыловъ уже прежде, въ разборѣ комедіи *Смѣхъ и Горе* своего товарища, Клушина, высказался противъ подобныхъ комическихъ оперъ: «Какъ сіи же рукоплесканія не рѣдко расточаются и въ шутовскихъ операхъ, то я мало къ нимъ легковѣренъ». *Спб. Меркурій,* ч. I, стр. 104.

ожидаютъ только случая кому послѣдовать, и за недостаткомъ рѣзкихъ подлинниковъ принуждены съ великимъ трудомъ отыскивать погрѣшности у Ломоносова и ихъ выкрадывать; или занимать ихъ у Сумарокова".

IV. (Къ стр. 55).

Отрывокъ изъ Бюффона въ переводахъ А. Ѳ. Малиновскаго, Лепехина и Карамзина.

1. Алексѣя Малиновскаго, въ книгѣ: *Духъ Бюффона* (1783, стр. 1).

„Я воспоминаю о той исполненной веселія и смущенія минутѣ, въ которую въ первой разъ возчувствовалъ отмѣнное мое бытіе: тогда я не могъ себѣ представить, что я, гдѣ былъ и откуда взялся. Я открылъ глаза; коль превосходное чувствованіе! свѣтъ, небесная твердь, зеленѣющаяся земля, прозрачныя воды, все меня занимало, одушевляло и несказаннымъ образомъ чувства мои увеселяло. Изъ чего я заключилъ, что всѣ сіи предметы находились во мнѣ и составляли часть самаго меня".

2. Ив. Лепехина, въ 1-й части *Естественной Исторіи* Бюффона (1792, стр. 61).

„Исполненъ веселія и смущенія привожу я на память ту минуту, въ которую я первый разъ ощутилъ чудное бытіе мое; я не зналъ, что я такое былъ, гдѣ находился и откуда пришелъ. Открывъ глаза какое приращеніе ощутилъ въ чувствованіяхъ! Свѣтъ, сводъ небесный, зеленѣющая земли поверхность, кристалловидныя воды, всего меня занимали, оживляли, и возбуждали во мнѣ неизреченное чувствованіе удовольствія; въ началѣ мнилъ я, что всѣ сіи предметы во мнѣ находяся составляли существенную моего сложенія часть".

3. Карамзина, въ *Пантеонѣ Иностранной Словесности* (1798, кн. II, стр. 58).

„И теперь еще живо помню ту минуту радости и смятенія, какъ въ первый разъ ощутилъ я чудесное бытіе свое. Не зная, что я, гдѣ, откуда взялся, открываю глаза: какое неописанное чувство! Свѣтъ, небесный сводъ, зелень травы, кристаллъ воды, все занимаетъ, трогаетъ, веселитъ меня несказанно. Мнѣ кажется, что всѣ предметы во мнѣ и составляютъ часть моего существа".

V. (Къ стр. 55).

Образчики языка изъ журналовъ начала 1790-хъ годовъ.

1. Изъ московскаго изданія: *Сатирическій Вѣстникъ*, „удобоспособствующій разглаживать наморщенное чело старичковъ, забавлять и купно научать молодыхъ барынь, дѣвушекъ, щеголей, вертопраховъ, волокитъ, игроковъ и прочаго состоянія людей, писанный небывалаго года, неизвѣстнаго мѣсяца, несвѣдомаго числа, незнаемымъ сочинителемъ". (Издавался въ 1790 и 1791 годахъ Н. И. Страховымъ;

въ 1795 онъ напечатанъ вторично въ 9 частяхъ, составившихъ три томика. Объявленіе о 5-й части его см. въ *Моск. Вѣдом.* 1790, № 91). Вотъ отрывокъ изъ 1-й части, стр. 63—65.

.... „Желательно, чтобъ тѣ молодые люди, которые имѣли прежде въ г. Псолюбовѣ одобрителя своего, послѣдовали его примѣру, оставя таковыя праздныя упражненія; а тѣ, кои равноподобно ему содержатъ великія стаи собакъ, число оныхъ содѣлали бы соотвѣтствующимъ цѣли, для которой принято упражненіе сіе, или бы лучше совсѣмъ истребили такую склонность, которая вмѣсто того, что должна была служить пріятною заманкою къ движенію, поспѣшествующему здравію, бодрости и веселію нрава, по злоупотребленію своему сдѣлалась напротивъ того такою страстію, которая занимаетъ цѣлую жизнь, расточаетъ цѣлыя имѣнія, разоряетъ бѣдныхъ крестьянъ, и доставляетъ въ насъ цѣлымъ уѣздамъ и обществамъ юношъ худой и растлительной примѣръ добрыхъ нравовъ. При томъ колико удивительно и жалко видѣть такихъ людей, которые для доставленія себѣ минутныхъ зрѣлищъ на зайца и бѣгущихъ за нимъ собакъ, въ сихъ упражненіяхъ провели всю жизнь, прожили все имѣніе, разорили всѣхъ крестьянъ, и не иное что оставили въ наслѣдіе бѣднымъ и безпомощнымъ своимъ дѣтямъ, какъ одинъ только хорошо устроенный собачій дворъ, но опущенное жилище; хорошихъ псарей, но разоренныхъ крестьянъ; многія своры собакъ, но и многія тысячи долгу!"

2. Изъ журнала: *Дѣло отъ бездѣлья* „или Пріятная забава, рождающая улыбку на челѣ угрюмыхъ, умѣряющая излишнюю радость вертопраховъ и каждому по его вкусу, философическими, критическими, пастушьими и аллегорическими повѣстьми, въ стихахъ и прозѣ состоящими, угождающая". (Выходилъ въ Москвѣ въ 1792 году, слѣдовательно, въ одно время съ *Московскимъ Журналомъ*. Издателемъ *Дѣла отъ бездѣлья* былъ Андрей Рѣшетниковъ, составитель первоначальныхъ учебниковъ русскаго языка и географическаго руководства). Отрывокъ изъ статьи *Человѣкъ* (ч. IV, стр. 59—61):

„Много было нравоучителей, да и нынѣ находятся между человѣками пресмыкающіеся духи, которые человѣческую природу столь страшно унижаютъ, что естьли бы возможно было имъ повѣрить, надлежало бы стыдиться быть человѣкомъ. Иные думаютъ, что божественное смиренномудріе требуетъ, дабы о человѣчествѣ имѣть толь низкія понятія; и потому почитаютъ за должность свою презрительнѣйшими и гнуснѣйшими образованіями учинить человѣческую природу ненавистною. Но человѣкъ себя за ничто почитающій не можетъ и къ другимъ имѣть никакого почтенія, и въ обоихъ сихъ случаяхъ являетъ низкость мыслей.... Внѣ человѣка находится Виновникъ природы и весь міръ. И такъ естьли мы возхотимъ разсматривать человѣка въ отношеніи его ко всѣмъ веществамъ, внѣ еще существующимъ; тогда долженствуемъ обозрѣть не токмо то, въ какомъ отношеніи находится онъ къ Богу, но и сіе, сколь тѣсно связанъ онъ со всемірнымъ зданіемъ".

3. Изъ академическаго изданія: *Новыя ежемѣсячныя сочиненія.* (Выходило съ 1786 по 1796 годъ подъ главнымъ наблюденіемъ тогдашняго директора Академіи, княгини Дашковой). „При изданіи этого журнала не была выпущена изъ виду одна изъ главныхъ цѣлей періодическихъ изданій Академіи XVIII вѣка — вводить въ область науки и тѣхъ читателей, которые не имѣли случая пріобрѣсть прочное ученое образованіе" [1]).

Вотъ какъ выражался въ 1790 году, описывая *аккулу*, знаменитый академикъ Лепехинъ, непремѣнный секретарь Россійской Академіи (*Нов. ежемѣс. соч.*, ч. XLVI, май, стр. 43):

„Сколь ни ужасна сія рыба человѣку и морскимъ животнымъ, однако не можетъ защищаться отъ небольшой рыбки *задержкою* называемыя, которая къ ней прилепляется, и преплываетъ съ нею морскія пространства; ибо въ Индійскомъ морѣ рѣдко ловятъ Аккулъ, на коихъ бы не были прицѣпившись сіи рыбки. Другое обстоятельство, заслуживающее вниманіе при Аккулахъ, болѣе удивительно: ибо, а наипаче въ жаркихъ климатахъ, видны всегда впереди въ нѣкоемъ отстояніи плывущіе передъ Аккулою провозвѣстники называемые *костера путеводитель.* Если бы сіе было примѣчено токмо изрѣдка, то можно бы приписать оное случайности: но какъ сіе не токмо простые мореходцы, но и странствовавшіе Природы испытатели согласно утверждаютъ, то не можно не принять сего за истину; хотя въ прочемъ заподлинно утверждать не можно, какая причина побуждаетъ сихъ малыхъ рыбокъ сопутствовать, или предшествовать сему человѣкоядцу: ибо обыкновенное о семъ случаѣ мнѣніе, будто сіи малыя рыбки предшествуютъ Аккулѣ въ томъ намѣреніи, чтобы предувѣдомлять ее о приближеніи ея гонителя Кашалота, и будто она изъ благодарности къ нимъ не токмо не дѣлаетъ вреда, но и удѣляетъ имъ отъ своей добычи, тѣмъ болѣе походитъ на вымышленную басню, что зубы у нее устроены не для раздробленія добычи, но для придерживанія оныя и поглощенія цѣлкомъ; слѣдовательно она и не можетъ ничего удѣлять малымъ своимъ сопутникамъ".

VI. (Къ стр. 57).

Образчики языка Карамзина въ первое время его авторства.

1. Изъ „Цвѣтка на гробъ моего Агатона" (*Аглая*, ч. I, стр. 14). „Наконецъ я возвратился — (тотъ же, каковъ поѣхалъ; только съ нѣкоторыми новыми опытами, съ нѣкоторыми новыми знаніями, съ живѣйшею способностію чувствовать красоты физическаго и моральнаго міра) — спѣшилъ обнять повѣреннаго души моей; воображалъ его пріятное удивленіе, его радость.... но сердце мое замерло, когда я увидѣлъ Агатона. Долговременная болѣзнь напечатлѣла знаки изнеможенія на блѣдномъ лицѣ его; въ тусклыхъ взорахъ изображалось тѣлесное и душевное разслабленіе; огонь жизни про-

[1]) *Учен. Записки Академіи Наукъ по I и III отдѣленіямъ*, т. I, стр. LXXXIX.

стылъ въ его сердцѣ, томномъ и мрачномъ. Едва могъ онъ обрадоваться моему пріѣзду, едва могъ пожать руку мою; едва слабая, невольная улыбка блеснула на лицѣ его, подобно осеннему солнцу, которое въ лучезарномъ сіяніи на минуту является и въ облакахъ изчезаетъ.

„Жаловаться ли намъ на участь бѣднаго, слабаго человѣчества? — Увы! что есть мудрость мудраго, когда паденіе соломенки можетъ разрушить ее; когда болѣзнь тѣлесная затемняетъ свѣтъ его разума, и покрываетъ густымъ мракомъ нечувствительности такую душу, въ которой вся Природа какъ въ чистомъ ручейкѣ созерцалась! — Горестная мысль! горестный опытъ!“

2. Изъ статьи „Нѣчто о наукахъ, искусствахъ и просвѣщеніи“ (*Аглая*, ч. I, стр. 63—65 [1]).

„Заблужденія въ наукахъ суть, такъ сказать, чуждые наросты, и рано или поздно исчезнутъ. Они подобны тѣмъ волнистымъ облакамъ, которыя въ часъ утра показываются на востокѣ, и бываютъ предтечами златаго солнца. Изъ темной сѣни невѣжества должно итти къ свѣтозарной истинѣ сумрачнымъ путемъ сомнѣнія, чаянія и заблужденія; но мы придемъ къ прелестной богинѣ, придемъ, не смотря на всѣ препоны, и въ ея эфирныхъ объятіяхъ вкусимъ небесное блаженство.... Правда, что земледѣліе и скотоводство всего нужнѣе для нашего существованія; но можемъ ли занять оными всѣ часы свои? Что станемъ мы дѣлать въ тѣ мрачные дни, когда вся Природа сѣтуетъ и облекается въ трауръ; когда сѣверные вѣтры обнажаютъ рощи, пушистые снѣга усыпаютъ желѣзную землю, и дыханіе хлада замыкаетъ двери жилищъ нашихъ; когда земледѣлецъ и пастухъ со вздохомъ оставляютъ поля, и заключаются въ своихъ хижинахъ?“

3. Изъ перевода рѣчи Порталиса въ *Вѣстникѣ Европы* (1802, февраль, стр. 70).

„Правда, что для государствъ бываютъ нѣкоторыя рѣшительныя эпохи, въ которыя отъ чрезвычайныхъ случаевъ перемѣняется ихъ свойство, подобно какъ темпераментъ въ человѣкѣ. Тогда нужно и необходимо вводить новое; тогда народъ, подъ вліяніемъ щастливаго Генія, можетъ уничтожить разныя злоупотребленія и воспріять нѣкоторымъ образомъ новую жизнь. Но и тогда сей народъ, естьли онъ уже давно существуетъ и давно занимаетъ мѣсто между первыми націями, долженъ поступать осторожно, и возвышаясь съ пылкостью новаго народа, сохранять всю зрѣлость древняго. На дикой землѣ можно всячески дѣйствовать остріемъ косы; но земля обработанная требуетъ вниманія: надобно скосить однѣ вредныя травы“.

---

[1]) Здѣсь, какъ и во всей этой статьѣ, ссылки на *Аглаю* по 2-му ея изданію, 1796 года.

2007237441